

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Константин Николаевич
БАТЮШКОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

К.Н.Батюшков «Полное собрание стихотворений» М.-Л., 1964, Большая серия
Библиотеки поэта, подготовка текста Н. В. Фридмана
Портрет Батюшкова заимствован из Малой серии Библиотеки поэта
© „Im-Werden-Verlag“, 2001

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая биография из Брокгауза-Эфрона	7
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Мечта <Первая редакция>	10
2. Послание к стихам моим	12
3. Элегия («Как счастье медленно приходит...»)	13
4. Послание к Хлое. <i>Подражание</i>	14
5. Перевод 1-й сатиры Боало	15
6. К Филисе. <i>Подражание Грессету</i>	18
7. Бог	21
8. К Мальвине	22
9. Послание к Н. И. Гнедичу («Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях...»)	22
10. <На смерть И. П. Пнина>	25
11. Совет друзьям	26
12. К Гнедичу («Только дружба обещает...»)	27
13. <Н. И. Гнедичу> («По чести, мудрено в санях или верхом...»)	28
14. Пастух и соловей. <i>Басня</i>	29
15. Выздоровление	30
16. Сон могольца. <i>Баснь</i>	30
17. <Н. И. Гнедичу> («Прерву теперь молчанья узы...»)	31
18. К Тассу	33
19. <Отрывок из I песни «Освобожденного Иерусалима»>	35
20. <Отрывок из XVIII песни «Освобожденного Иерусалима»>	37
21. Воспоминание	41
22. Стихи г. Семеновой	42
23. Видение на берегах Леты	43
24. <О Бенитцком>	49
25. Тибуллова элегия III. <i>Из III книги</i>	49
26. Послание графу Виельгорскому	50
27. «Пафоса бог, Эрот прекрасный...»	51
28. Веселый час	52
29. Ответ Гнедичу («Твой друг тебе навек отныне...»)	53
30. Тибуллова элегия X. <i>Из I книги</i>	54
31. В день рождения Н.	56
32. Ложный страх. <i>Подражание Парни</i>	57
33. Надпись на гробе пастушки	58
34. Счастливец	58
35. На смерть Лауры. <i>Из Петрарки</i>	59
36. Вечер. <i>Подражание Петрарке</i>	60
37. «Рыдайте, амуры и нежные грации...»	61
38. Элизий	61
39. Мадагаскарская песня	62
40. Любовь в челноке	63

41. Привидение. <i>Из Парни</i>	64
42. Стихи на смерть Даниловой	65
43. К Петину	65
44. Источник	67
45. Отъезд	68
46. Радость	68
47. Сон воинов. Из поэмы «Иснель и Аслега»	70
48. Скальд	71
49. На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина	72
50. <Н. И. Гнедичу> (« <i>Сей старец, что всегда летает...</i> »)	72
51. <Отрывок из XXXIV песни «Неистового Орланда»>	73
52. Филомела и Прогна. <i>Из Лафонтена</i>	73
53. Дружество	74
54. Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря	74
55. Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому.	76
56. К Жуковскому	82
57. Ответ Тургеневу	84
58. Разлука (« <i>Гусар, на саблю опираясь...</i> »)	86
59. Певец в Беседе любителей русского слова	87
60. К Дашкову	92
61. Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года	94
62. Отрывок из Шиллеровой трагедии «Die Braut von Messina» < (« <i>Мессин103ская невеста</i> ») >	94
63. Элегия из Тибулла. <i>Вольный перевод</i> (« <i>Мессала! Без меня ты мчишься по волнам...</i> »)	103
64. Пленный	105
65. <О парижских женщинах>	107
66. Тень друга	108
67. На развалинах замка в Швеции	109
68. <Хор жен воинов из «Сцен четырех возрастов»>	112
69. Судьба Одиссея	112
70. Странствователь и домосед	112
71. Послание И. М. Муравьеву-Апостолу	120
72. Мщение. <i>Из Парни</i>	122
73. Вакханка	124
74. Последняя весна	125
75. К друзьям	126
76. Мой гений	126
77. Разлука (« <i>Напрасно покидал страну моих отцов...</i> »)	127
78. Надпись к портрету графа Эммануила Сен-При	127
79. Таврида	127
80. Надежда	128
81. К другу	129
82. Пробуждение	131
83. Элегия (« <i>Я чувствую, мой дар в поэзии погас...</i> »)	131
84. Песнь Гаральда Смелого	133
85. Послание к Тургеневу (« <i>О ты, который средь обедов...</i> »)	134
86. К цветам нашего Горация	136
87. «У Волги-реченьки сидел...»	136
88. Гезиод и Омир — соперники	137

89. К портрету Жуковского	140
90. Переход через Рейн	141
91. «Тот вечно молод, кто поет...»	144
92. <В. Л. Пушкину>	144
93. Умиравший Тасс. <i>Элегия</i>	145
94. Беседка муз	149
95. К Никите	150
96. <С. С. Уварову>	151
97. Мечта <Окончательная редакция>	152
98.-110. <Из греческой антологии>	
1. «В обители ничтожества унылой...»	157
2. «Свидетели любви и горести моей...»	157
3. «Свершилось: Никагор и пламенный Эрот...»	157
4. Явор к прохожему	158
5. «Где слава, где краса, источник зол твоих?...»	158
6. «Куда, красавица?...»	158
7. «Сокроем навсегда от зависти людей...»	158
8. «В Лаисе нравится улыбка на устах...»	158
9. «Тебе ль оплакивать утрату юных дней?...»	159
10. «Увы! глаза, потухшие в слезах...»	159
11. «Улыбка страстная и взор красноречивый...»	159
12. «Изнемогает жизнь в груди моей остылой...»	160
13. «С отвагой на челе и с пламенем в крови...»	160
111. К творцу «Истории государства Российского»	160
112. Князю П. И. Шаликову	161
113. Послание к А. И. Тургеневу (« <i>Есть дача за Невой...</i> »)	162
114. «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...»	163
115. «Есть наслаждение и в дикости лесов...»	163
116. Надпись для гробницы дочери Малышевой	163
117. Подражание Ариосту	164
118-123. Подражания древним	
1. «Без смерти жизнь не в жизнь: и что она? Сосуд...»	165
2. «Скалы чувствительны к свирели...»	165
3. «Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден...»	165
4. «Когда в страдании девица отойдет...»	165
5. «О смертный! хочешь ли безбедно перейти...»	165
6. «Ты хочешь меду, сын — так жала не страшись...»	165
124. «Жуковский, время всё проглотит...»	165
125. «Ты знаешь, что изрек...»	166

МЕЛКИЕ САТИРИЧЕСКИЕ И ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

126. Перевод Лафонтеновой эпитафии	167
127. «Безрифмина совет...»	167
128. <Н. И. Гнедичу> (« <i>Ужели слышать всё докучный барабан? ..</i> »)	167
129. «Как трудно Бибрису со славою ужитья!...»	167
130. Мадригал новой Сафе	167
131. Книги и журналист	168
132. Эпиграмма на перевод Вергилия	168
133. Мадригал Мелине, которая называла себя нимфою	168
134. Эпитафия (« <i>Не нужны надписи для камня моего...</i> »)	168

135. «Известный откупщик Фадей...»	169
136. «Теперь, сего же дня	169
137. Истинный патриот	169
138. Сравнение	169
139. Из антологии	170
140. К Маше	170
141. На перевод «Генриады», или Превращение Вольтера	170
142. <П. А. Вяземскому> (« <i>Льстец моей ленивой музы!..</i> »)	171
143. Совет эпическому стихотворцу	171
144. Надпись к портрету Н. Н.	171
145. <На членов Вольного общества любителей словесности>	171
146. «Всегдашний гость, мучитель мой...»	172
147. На поэмы Петру Великому	172
148. <Об А. И. Тургеневе>	172
149. Новый род смерти	172
150. «Памфил забавен за столом...»	173
151. «От стужи весь дрожу...»	173
152. На книгу под названием «Смесь»	173
153. Запрос Арзамасу	173
154. <Надпись к портрету П. А. Вяземского>	174
155. «Меня преследует судьба...»	174
156. «На свет и на стихи...»	174
157. «Числа, по совести, не знаю...»	174
158. Послание от практического мудреца мудрецу Астафьевскому с мудрецом Пушкиническим (« <i>Счастлив, кто в сердце носит рай...</i> ») >	175
159. <П. А. Вяземскому> (« <i>Я вижу тень Боброва...</i> »)	175

СТИХОТВОРНЫЕ ОТРЫВКИ

160. Из письма к Н. А. Оленину от 11 мая 1807 г.	176
161. Из письма к Н. И. Гнедичу от 4 апреля 1809 г.	176
162. Из письма к Н. И. Гнедичу от 1 ноября 1809 г.	177
163. Из письма к П. А. Вяземскому от 19 декабря 1811 г.	177
164. Из письма к Д. П. Северину от 19 июня 1814 г.	177
165. Из письма к П. А. Вяземскому от февраля 1816 г.	178
166. Из письма к В. Л. Пушкину от первой половины марта 1817 г.	179
167. Из письма к А. Н. Оленину от 4 июня 1817 г.	179
168. Из письма к А. Г. Гревенс от 8 июля 1826 г.	180
169. Надпись к портрету графа Буксгевдена	180
170. «Всё Аристотель врёт...»	180

ВАРИАНТЫ

Стихотворные варианты	181
-----------------------------	-----

Константин Николаевич Батюшков

Знаменитый русский поэт, предшественник Пушкина, родился 18 мая 1787 г. в Вологде. Происходил из древнего дворянского рода, который с давних пор владел селом Даниловским, где Константин Николаевич провел годы своего детства. Семи лет от роду он потерял мать, которая страдала душевною болезнью, по наследству перешедшей к Константину Николаевичу и его старшей сестре Александре. В 1797 г. его отдали в петербургской пансион Жакино, откуда в 1801 году он перешел в пансион Триполи. На шестнадцатом году жизни Батюшков оставил пансион и занялся усердно чтением всякого рода русских и французских книг. В это же время он близко сошелся со своим дядей, известным Михаилом Никитичем Муравьевым. Под его влиянием Константин Николаевич занялся изучением литературы древнего классического Мира и стал поклонником Тибулла и Горация, которым он подражал в первых своих произведениях. Кроме того, под влиянием Муравьева, Батюшков выработал в себе тонкий литературный вкус и аскетическое чутье. Познакомился также Батюшков с представителями тогдашнего литературного Мира в Петербурге. Особенно близко сошелся он с Г. Р. Державиным, Н. А. Львовым, В. В. Капнистом, А. Н. Олениным, графом А. С. Строгоновым, И. М. Муравьевым-Апостолом, П. А. Ниловой и А. П. Квашниной-Самариной. Поступив в департамент министерства народного просвещения, Батюшков сблизился с некоторыми из своих сослуживцев, которые примыкали к карамзинскому направлению и основали «Вольное общество любителей словесности». Тогда же он особенно близко подружился с И. П. Пнинным и Н. И. Гнедичем.

В 1807 году Батюшков вступил в милицию и принял участие в прусском походе. В битве под Гейдсбергом он был ранен и должен был отправиться лечиться в Ригу. Во время этого похода Батюшков особенно тесно подружился с офицером Петинным, впоследствии убитым под Лейпцигом, а в Риге влюбился в девицу Мигель — дочь хозяина того дома, где его поместили для лечения. Но ничем серьезным этот роман не окончился. В следующем 1808 году Батюшков принял участие в войне со Швецией, по окончании которой вышел в отставку и поехал к родным (1809 г.), но не к отцу, а в село Хантоново, Новгородской губернии, где жили и хозяйничали его старшие сестры. Это было вызвано тем, что еще в 1807 году Николай Львович вступил во второй брак, а так как его взрослые дочери не хотели жить вместе с мачехой, то переселились в деревню, которая им досталась по наследству от матери.

В деревне Константин Николаевич скоро начал скучать и рвался в город: впечатлительность его сделалась почти болезненною, все больше и больше овладевала им хандра, и предчувствие будущего сумасшествия.

В самом конце 1809 года Батюшков приехал в Москву и скоро, благодаря своему таланту, светлому уму и доброму сердцу, сыскал себе добрых друзей в лучших сферах тогдашнего московского общества. Из тамошних литераторов наиболее сблизился он с В. Л. Пушкиным, В. А. Жуковским, кн. П. А. Вяземским и Н. М. Карамзиным. Эти новые друзья настолько привязали Батюшкова к Москве, что, не смотря на увещания петербургских друзей и недостаток средств, он не хотел оставить «столицы русского дворянства», как ее называл Карамзин, и ехать в Петербург, чтобы там выхлопотать себе государственную должность, которая дала бы ему материальное обеспечение. Годы 1810 и 1811 прошли для Батюшкова отчасти в Москве, где он приятно проводил время, отчасти в Хантонове, где он хандрил. Наконец, получив отставку от военной службы, он в начале 1812 года отправился в Петербург и при помощи Оленина

поступил на службу в Публичную Библиотеку; жизнь его устроилась довольно хорошо, хотя его постоянно тревожила мысль о судьбе его семейства и его самого: скорого повышения по службе нельзя было ожидать, а хозяйственные дела шли все хуже и хуже. Не забывая своих московских друзей, Батюшков сделал новые знакомства в Петербурге и сблизился с И. И. Дмитриевым, А. И. Тургеневым, Д. Н. Блудовым и Д. В. Дашковым.

Между тем армия Наполеона вступила в пределы России и стала приближаться к Москве. Батюшков отправился туда, чтобы проводить вдову Муравьеву в Нижний Новгород. Затем он снова поступил на военную службу и в качестве адъютанта генерала Раевского вместе с русской армией совершил поход 1813-14 г., окончившийся взятием Парижа. Пребывание за границей имело большое влияние на Батюшкова, который там впервые познакомился с немецкой литературой и полюбил ее. Париж и его памятники, библиотеки и музеи тоже не прошли бесследно для впечатлительной натуры Батюшкова; но скоро он почувствовал сильную тоску по родине и, посетив Лондон, возвратился в Петербург. Но тут, помимо служебных неприятностей, его ждала серьезная неудача; он влюбился в жившую у Олениных молодую девушку Анну Федоровну Фурман, которая, однако, не ответила Батюшкову таким же чувством. Со страшным отчаянием в душе он уехал на службу в Каменец-Подольск, где стоял его полк. Через год он окончательно бросил военную службу, поехал в Москву, затем в Петербург, где сделался членом Арзамаса и вошел в близкие сношения со всем этим кружком и в особенности с Пушкиным, который называл его своим учителем. В 1818 г. Батюшков достиг давно желаемой цели: он был определен на службу в неаполитанскую русскую миссию. Поездка в Италию была всегда любимой мечтой Батюшкова, но отправившись туда, он почти сейчас же почувствовал невыносимую скуку, хандру и тоску. К 1821 году ипохондрия приняла такие размеры, что он должен был оставить службу и Италию. В 1822 расстройство умственных способностей выразилось вполне определенно и с тех пор Батюшков в продолжение 34 лет мучился, не приходя почти никогда в сознание, и наконец скончался 7 июля 1855 года в Вологде; похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре, в 5 верстах от Вологды. Еще в 1815 году Батюшков писал Жуковскому о себе следующие слова: «С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло, росло с годами и чуть было не зачернило всю душу»; не предвидел бедный поэт, что пятно не перестанет расти и так скоро совсем помрачит его душу.

Литературное наследство Батюшкова распределяется на три части: стихотворения, прозаические статьи и письма. Первые опыты Константина Николаевича относятся к 1802, когда он написал стихотворение «Мечта». Стихотворения первого периода литературной деятельности Б. проникнуты эпикуреизмом и носят на себе довольно ясный отпечаток беззаботной и свободной жизни, которую тогда вел Батюшков в Петербурге: к таким стихам принадлежат: «Послание к стихам моим», «Послание к Хлое» и «Послание к Н. И. Гнедичу», где автор описывает другу, как он проводит время, «Совет друзьям», развивающий мысль о мирном наслаждении жизнью среди веселий и забав, мешая мудрость с шутками и др. К 1808 году относится первое близкое знакомство Батюшкова с Торкватом Тассом, «Освобожденный Иерусалим» которого Батюшков начал тогда переводить. К 1809 году относятся первые опыты Батюшкова в прозе, а именно: «Отрывок из писем русского офицера», «Финляндия» и «Похвальное слово сну». В 1809 и 1810 годы Батюшков написал ряд стихотворений, в которых он подражал Парни, Тибуллу, Петрарке и Касты. Тогда же написано им «Видение на берегах Леты», где осмеиваются представители старой литературной школы; эта сатира наделала много шума в Петербурге. В 1811 году написано жизнерадостное стихотворение «Мои пенаты», посвященное Жуковскому и кн. Вяземскому. В 1813 году является «Певец в беседе Славянороссов», эпико-лиро-комико-породический гимн — шутивное подражание «Певцу в стане русских воинов» Жуковского. Патриотическое чувство Батюшкова выразилось в стихотворении «Переход русских через Рейн». Упадок духа и глубокая скорбь отвергнутой любви высказываются в «Воспоминаниях» (1815 г.); около этого времени произошел в Батюшкове поворот в сторону пессимизма и Шатобриановского разочарования жизнью, от

которого Константин Николаевич искал убежища в религиозном чувстве. К 1815 году, кроме «Воспоминаний», относятся еще следующие стихотворения, в которых обнаруживается тогдашнее душевное настроение Батюшкова: «Послание И. Л. Муравьеву-Апостолу», «Странствователь и домосед», «Разлука», «Пробуждение», «Мой гений», «Последняя весна», «Надежда» и «К другу».

Важнейшею эпохой поэтического творчества Батюшкова были годы 1816 и 1817, когда тридцатилетний поэт достиг высшей степени совершенства в отделке стиха, ближе познакомился с немецкой, французской, итальянской и древне-классической литературами, когда болезнь еще не помрачила его мысли, придавая ей только элегический оттенок. Прекраснейшим выражением тогдашнего течения творчества Батюшкова был: «Умиравший Тасс». К числу лучших стихотворений Батюшкова принадлежит также «Тень друга», посвящение памяти Петина и переделка из Матисена: «На развалинах замка в Швеции». Черты северной поэзии Батюшков воспроизвел в «Песне Гаральда Смелого». Главная заслуга Батюшкова заключается в том, что вместе с Жуковским он придал русскому стиху гармоническую красоту, легкость и выразительность. Они оба, т. е. Батюшков и Жуковский, своими сочинениями проложили дорогу Пушкину, Лермонтову и всем следующим за ними русским поэтам; это сознавал и сам Пушкин, который называл Батюшкова своим учителем. Из прозаических сочинений Батюшкова наиболее замечательны: «Речь о влиянии легкой поэзии на язык» и «Нечто о морали, основанной на религии». В первый раз собрание сочинений Батюшкова появилось в свет в 1817 году, под названием: «Опыты в стихах и прозе». 2-е и 3-е издания относятся к 1834 и 1850 гг. Полное же издание всех его сочинений вышло в Петербурге в 3 томах в 1887 г. Издатель П. Н. Батюшков присоединил к этим сочинениям обширную статью «О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова», написанную Л. Н. Майковым и кроме того обширные примечания, составленные Л. Н. Майковым и В. И. Саитовым. Том I занимает вступление и стихотворения, II — прозаические статьи, III — письма.

СТИХОТВОРЕНИЯ

---

1. МЕЧТА

О, сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах!
Ты, в душу нежную поэта
Лучом проникнув света,
Горишь, как огонь зари, и красишь песнь его,
Любимца чистых сестр, любимца твоего,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветер шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелится над пенным океаном;
То с чашей радости в руках
Он с бардом песнь поет — и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвствуя внимает,
И эхо вдалеке песнь звучну повторяет.
О, сладостна мечта, ты красишь зимний день,
Цветами и зиму печальную венчаешь,
Зефиром по цветам летаешь
И между светлых льдин являешь миртов тень!

Богиня ты, мечта! Дары твои бесценны
Самим невольникам в слезах.
Цепями руки отягченны,
Замки чугуны на дверях
Украшены мечтой... Какое утешенье
Украсить заключенье,
Оковы променять на цепь веселых роз!..
Подругу ль потерял, источник вечных слез,
Ступай ты в рощицу унылу,
Сядь на плачевную могилу,
Задумайся, вздохни — и друг души твоей,
Одетый ризою прозрачной, как туманом,
С прелестным взором, стройным станом,
Как нимфа легкая полей,
Прижмется с трепетом сердечным,
Прижмется ко груди пылающей твоей.
Стократ мы счастливы мечтаньем скоротечным!

Мечтанье есть душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей сокрыть Анакреона,

Любовь еще горит во Сафиных мечтах.
А ты, любимец Аполлона,
Лежащий на цветах
В забвеньи сладостном, меж нимф и нежных граций,
Певец веселия, Гораций,
Ты в песнях сладостно мечтал,
Мечтал средь пиршеств и шумных, и веселых
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Найдем ли в истинах мы голых
Печальных стойков и твердых мудрецов
Всю жизни бренной сладость?
От них эфирна радость
Летит, как бабочка от терновых кустов.
Для них прохлады нет и в роскоши природы;
Им девы не поют, слетятся в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без прелестей и лето без цветов.
Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья!
Как светлые лучи на темных облаках,
Веселья на крылах
Дни юности стремятся:
Не долго на цветах
В беспечности валяются.
Весеннею порой
Лишь бабочка летает,
Амуров нежный рой
Морщин не лобызает.
Крылатые мечты
Не сыплют нам цветы,
Где тусклый опытность светильник зажигает.

Счастливая мечта, живи, живи со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой
Даров твоих мне не заменят.
Глупцы пусть дорого сует блистанье ценят,
Лобзая прах златой у мраморных крыльцов!
Но счастью певцов
Удел есть скромна сень, мир, вольность и спокойство.
Души поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой.
Их сердцу малость драгоценна:
Как бабочка влюбленна
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,
Так хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив!.. Он мечтает.

1802 или 1803

2. ПОСЛАНИЕ К СТИХАМ МОИМ

Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes freres.

Voltaire*

Стихи мои! опять за вас я принимаюсь!
С тех пор как с музами, к несчастью, обращаюсь,
Покою ни на час... О, мой враждебный рок!
Во сне и наяву Кастальский льется ток!
Но с страстию писать не я один родился:
Чуть стопы размерять кто только научился,
За славою бежит — и бедный рифмотвор
В награду обретет не славу, но позор.
Куда ни погляжу, везде стихи марают,
Под кровлей песенки и оды сочиняют.
И бедный Стукодей, что прежде был капрал,
Не знаю для чего, теперь поэтом стал:
Нет хлеба ни куска, а роскошь выхваляет
И грациям стихи голодный сочиняет;
Пьет воду, а вино в стихах льет через край;
Филису нам твердит: «Филиса, ты мой рай!»
Потом, возвысив тон, героев воспевает:
В стихах его и сам Суворов умирает!
Бедняга! удержишься... брось, брось писать совсем!
Не лучше ли тебе маршировать с ружьем!
Плаксивин на слезах с ума у нас сошел:
Всё пишет, что друзей на свете не нашел!
Поверю: ведь с людьми нельзя ему ужиться,
И так не мудрено, что с ними он бранится.
Безрифмин говорит о милых... о сердцах...
Чувствительность души твердит в своих стихах;
Но книг его — увы! — никто не покупает,
Хотя и Глазунов в газетах выхваляет.
Глупон за деньги рад нам всякого бранить,
И даже он готов поэмой уморить.
Иному в ум придет, что вкус восстанавливает:
Мы верим все ему — кругами утверждает!
Другой уже спешит нам драму написать,
За коей будем мы не плакать, а зевать.
А третий, наконец... Но можно ли помыслить —
Все глупости людей в подробности исчислить?..
Напрасный будет труд, но в нем и пользы нет:
Сатирую нельзя переменить нам свет.
Зачем с Глупоном мне, зачем всегда браниться?
Он также на меня готов вооружиться.
Зачем Безрифмину бумагу не марать?
Всяк пишет для себя: зачем же не писать?
Дым славы, хоть пустой, любезен нам, приятен;

* Освистывайте меня без стеснения, собратья мои, я отвечу вам тем же. Вольтер (франц.). — *Ред.*

Глас разума — увы! — к несчастью, не внятен.
Поэты есть у нас, есть скучные врали;
Они не вверх летят, не к небу, но к земли.

Давно я сам в себе, давно уже признался,
Что в мире, в тишине мой век бы провождался,
Когда б проклятый Феб мне не вскружил весь ум;
Я презрел бы тогда и славы тщетный шум
И жил бы так, как хан во славном Кашемире,
Не мысля о стихах, о музах и о лире.
Но нет... Стихи мои, без вас нельзя мне жить,
И дня без рифм, без стоп не можно проводить!
К несчастью моему, мне надобно признаться,
Стихи, как женщины: нам с ними ли расстаться?..
Когда не любят нас, хотим их презирать,
Но всё не престаем прекрасных обожать!

1804 или 1805

3. ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив — одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

1804 или 1805

4. ПОСЛАНИЕ К ХЛОЕ

Подражание

Решилась, Хлоя, ты со мною удалиться
И в мирну хижину навек переселиться.
Веселий шумных мы забудем дым пустой:
Он скуку завсегда ведет лишь за собой.
За счастьем мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед — и в пропасть упадем!
Как путник, огонь в лесу когда блудящий зрит,
Стремится к оному, но призрак прочь бежит,
В болота вязкие его он завлекает
И в страшной тишине в пустыне исчезает, —
Таков и человек! Куда ни бросим взгляд,
Узрим тотчас, что он и в счастье не рад.
Довольны все умом, фортуною — нимало.
Что нравилось сперва, теперь то скучно стало;
То денег, то чинов, то славы он желает,
Но славы посреди и денег он — зевает!
Из хижины своей брось, Хлоя, взгляд на свет:
Четыре бьет часа — и кончился обед:
Из дому своего Глицера поспешает,
Чтоб ехать — а куда? — беспечная не знает.
«Постой!» — она кричит, и лошади стоят.
К Лаисе входит в дом, Лаису обнимает,
Садится, говорит о модах — и зевает;
О времени потом, о карточной игре,
О лентах, о пере, о платье и дворе.
Окончив разговор, который истощился,
От скуки уж поет. Глупонов тут явился,
Надутый, как павлин, с пустою головой,
Глядится в зеркало и шаркает ногой.
Вдруг входит Брумербас; всё в зале замолкает.
Вступает в разговор и голос возвышает:
«Париж я верно б взял, — кричит из всех он сил, —
И Амстердам потом, гишпанцев бы разбил...»
Тут вспыхнет, как огонь, затопает ногами,
Пойдет по комнате широкими шагами;
Вообразит себе, что неприятель тут,
Что режут, что палят, кричат «ура!» и жгут.
Заплюет всем глаза герой наш плодовитый,
Но вдруг смиряется и бросив взгляд сердитый;
Начнет рассказывать, как турка задавил,
Как роту целую янычаров убил,
Турчанки нежные в него как все влюблялись,
Как турки в полону от злости запыхались,
И битые часа он три проговорит!..

Никто не слушает, а он кричит, кричит!
Но в зале разговор тут общим становится,
Всяк хочет говорить и хочет отличиться,
Какой ужасный шум! Нельзя ничто понять,
Нельзя и клевету от правды различать.
Ни слова не слышать! Немыми будто стали.
Придите, карты, к нам: все спят уже без вас!
Без карт покажется за век один и час.
К зеленому столу все гости прибегают
И жадность к золоту весельем прикрывают.
Окончили игру и к ужину спешат,
Смеются за столом, с соседом говорят:
И бедный человек живее становится,
За пищей, кажется, он вновь переродится.
Какой я слышу здесь чуднейший разговор!
Какие глупости! какая ложь и вздор!
Педант бранит войну и вместе мир ругает,
Сердечкин тут стихи любовные читает,
Тут старые Бурун нам новости твердит,
А здесь уже Глупон от скуки чуть не спит!
И так-то, Хлоя, век свой люди провожают,
И так-то целый день в бездействии теряют,
День долгий, тягостный ленивому глупцу,
Но краткий, напротив, полезный мудрецу.
Сокроемся, мой друг, и навсегда простимся
С людьми и с городом: в деревне поселимся,
Под мирной кровлею дни будем провождать:
Как сладко тишину по буре нам вкушать!

1804 или 1805

5. ПЕРЕВОД 1-ой САТИРЫ БОАЛО

Бедняга и поэт, и нелюдим несчастный,
Дамон, который нас стихами всё морил,
Дамон, теперь презрев и славы шум напрасный,
Заимодавцев всех своих предупредил.
Боясь судей, тюрьмы, он в бегство обратился,
Как новый Диоген, надел свой плащ дурной,
Как рыцарь, посохом своим вооружился
И, связку навязав сатир, понес с собой.
Но в тот день, из Москвы как в путь он собирался,
Кипя досадою и с гневом на глазах,
Бледнее, чем Глупон, который проигрался,
Свой гнев истощевал почти что в сих словах:
«Возможно ль здесь мне жить? Здесь честности не знают!
Проклятая Москва! Проклятый скучный век!
Пороки все тебя лютейши поглощают,

Незнаем и забыт здесь честный человек.
С тобою должно мне навеки распротиться,
Бежать от должников, бежать из всех мне ног
И в тихом уголке надолго притаиться.
Ах! если б поскорей найти сей уголок!..
Забыл бы в нем людей, забыл бы их навеки.
Пока дней парка нить еще моих прядет,
Спокоен я бы был, не лил бы слезны реки.
Пушай за счастием, пушай иной идет,
Пушай найдет его Бурун с кривой душою,
Он пусть живет в Москве, но здесь зачем мне жить?
Я людям ввек не льстил, не хвастал и собою,
Не лгал, не сплетничал, но чтил, что должно чтить.
Святая истина в словах моих блистала
И музой мне была, но правда глаз нам жжет.
Зато фортуна мне, к несчастью, не ласкала.
Богаты подлецы, что заполняют свет,
Вооружились все против меня и гнали
За то, что правду я им вечно говорил.
Глупцы не разумом, не честностью блистали,
Но золотом одним. А я чтоб их хвалил!..
Скорее я почту простого селянина,
Который потом хлеб кропит насущный свой,
Чем этого глупца, большого господина,
С презреньем давит что людей на мостовой!
Но кто тебе велит (все скажут мне) браниться?
Немудрено, что ты в несчастьи живешь;
Тебе никак нельзя, поверь, с людьми ужиться:
Ты беден, чином мал — зачем же не ползешь?
Смотри, как Сплетнин здесь тотчас обогатился,
Он князем уж давно... Таков железный век:
Кто прежде был в пыли, тот в знати очутился!
Фортуна ветрена, и этот человек,
Который в золотой карете разъезжает,
Без помощи ее на козлах бы сидел
И правил лошадами, — теперь повелевает,
Теперь он славен стал и сам в карету сел.
А между тем Честон, который не умеет
Стоять с почтением в лакейской у бояр,
И беден, и презрен, ступить шага не смеет;
В грязи замаран весь, он терпит холод, жар.
Бедняга с честностью забыт людьми и светом:
Итак, не лучше ли в стихах нам всех хвалить?
Зато богатым быть, в покое жить нагретом,
Чем добродетелью своею себя морить?
То правда, государь нам часто помогает
И музу спящую, лишь взглянет, — оживит,
Он Феба из тюрьмы нередко извлекает.
Чего не может царь!.. Захочет — и творит.
Но Мецената нет, увы! — и Август дремлет.

Притом захочет ли мне кто благотворить?
Кто участь в жалобах несчастного приемлет,
И можно ли толпу просителей пробить,
Толпу несносную сынов несчастных Феба?
За оду просит тот, сей песню сочинил,
А этот — мадригал. Проклятая от неба,
Прямая саранча! Терпеть нет боле сил!..
И лучше во сто раз от них мне удалиться.
К чему прибегнуть мне? Не знаю, что начать?
Судьею разве быть, в приказные пуститься?
Судьею?.. Боже мой! Нет, этому не быть!
Скорее Стукодей бранить всех перестанет,
Скорей любовников Лаиса отошлет
И мужа своего любить как мужа станет,
Скорей Глицера свой, скорей язык уймет,
Чем я пойду в судьи! Не вижу средства боле,
Как прочь отсюда сейчас же убежать
И в мире тихо жить в моей несчастной доле,
В Москву проклятую опять не заезжать.
В ней честность с счастьем всегда почти бранится,
Порок здесь царствует, порок здесь властелин,
Он в лентах, в орденах повсюду ясно зрится.
Забыта честность, но фортуны милый сын,
Хоть плут, глупец, злодей, в богатстве утопает,
И даже он везде ... Не смею говорить...
Какого стойка сие не раздражает?
Кто может, не браня, здесь целый век прожить?
Без Феба всякий здесь хорошими стихами
Опишет город вам, и в гнев стихотвор
На гору не пойдет Парнас с двумя холмами.
Он правдой удивит без вымыслов убор.
«Потише, — скажут мне, — зачем так горячиться?
Зачем так свысока? Немного удержишься!
Ведь в гнев пользы нет: не лучше ли смириться?
А если хочешь врат, на кафедру взберись,
Там можно говорить и хорошо, и глупо,
Никто не сердится, спокойно всякий спит.
На правду у людей, поверь мне, ухо тупо».
Пусть светски мудрецы, пусть все так рассуждают.
Противен, знаю, им всегда был правды свет.
Они любезностью пороки закрывают,
Для них священного и в целом мире нет.
Любезно дружество, любезна добродетель,
Невинность чистая, любовь, краса сердец,
И совесть самая, всех наших дел свидетель,
Для них — мечта одна! Постой, о лжемудрец!
Куда влечешь меня? Я жить хочу с мечтою.
Постой! Болезнь к тебе, я вижу, смерть ведет,
Уж крылия ее простерты над тобою.
Мечта ли то теперь? Увы, к несчастью, нет!

Кого перемену моими я словами?
Я верю, что есть ад, святые, дьявол, рай,
Что сам Илья гремит над нашими главами.
А здесь в Москве... Итак, прощай, Москва, прощай!..»

1804 или 1805

6. К ФИЛИСЕ
Подражание Грессету

Qu'heureux est le mortel qui, du monde ignore,
Vit content de lui-meme en un coin retire,
Que l'amour de ce rien qu'on nomme renommee
N'a jamais enivre d'une vaine fumee...*

Что скажу тебе, прекрасная,
Что скажу в моем послании?
Ты велишь писать, Фелиса, мне,
Как живу я в тихой хижине,
Как я строю замки в воздухе,
Как ловлю руками счастье.
Ты велишь — и повинуюся.

Ветер воев всюду в комнате
И свистит в моих окончинах,
Стулья, книги — всё разбросано:
Тут Вольтер лежит на Библии,
Календарь на философии.
У дверей моих мяучит кот,
А у ног собака верная
На него глядит с досадою.
Посторонний, кто взойдет ко мне,
Верно скажет: «Фебом проклятый,
Здесь живет поэт в унынии».
Правда, что воображение
Убирает всё рукой своей,
Сыплет розы на терние,
И поэт с душой спокойною
Веселее Креза с золотом.
Независимость любезную
Потерять на цепь золочену!..
Я счастлив в моей беспечности,
Презираю гордость глупую,
Не хочу кумиру кланяться
С кучей глупых обожателей.
Пусть змиею изгибаются

* Блажен смертный, который, неведомый миру, живет, довольный самим собой, в укромном уголке, которому любовь к тому тлену, что зовется славой, никогда не кружила головы своим суетным угаром (франц.). — *Ред.*

Твари подлые, презренные,
Пусть слова его оракулом
Чтут невежды и со трепетом
Мановенья ждут руки его!

Как пылинка ветром поднята,
Как пылинка вихрем брошена,
Так и счастье наше чудное
То поднимет, то опустит вдруг.
Часто бегал за фортуною
И держал ее в руках моих:
Чародейка ускользнула тут
И оставила колючий терн.
Славу, почести мы призраком
Называем, если нет у нас;
Но найдем — прощай, мечтание!
Чашу с ними пьем забвения
(Суета всегда прелестна нам),
И мудрец забудет мудрость всю.
Что же делать нам?.. Бранить людей?..
Нет, найти святое дружество,
Жить покойно в мирной хижине;
Нелюдим пусть ненавидит нас:
Он несчастлив — не завидую.

Страх и ужас на лице его,
Ходит он с главой потупленной,
И спокойствие бежит его!
Нежно дружество с улыбкою
Не согреет сердца хладного,
И слеза его должна упасть,
Не отертая любовью!

Посмотри, Дамон как мудрствует:
Он находит зло единое.
«Добродетель, — говорит Дамон, —
Добродетель — суета одна,
Добродетель — призрак слабых душ.
Предрассудок в мире царствует,
Людям всем он ослепил глаза».
Он недолго будет думать так,
Хладна смерть к нему приблизится:
Он увидит заблуждение,
Он увидит. Совесть страшная
Прилетит к нему тут с зеркалом;
Волоса ее растрепаны,
На глазах ее отчаянье,
А в устах — упреки, жалобы.
Полно! Бросим лучше дале взгляд.

Посмотри, как здесь беспечная
В скуке дни влечет Аталия.
День настанет — нарумянится,
Раза три зевнет — оденется.
«Ах!.. зачем так время медленно!» —
Скажет тут в душе беспечная,
Скажет с вздохом и заснет еще!

Бурун ищет удовольствия,
Ездит, скачет... Увы! — нет его!
Оно там, где Лиза нежная
Скромно, мило улыбается?..
Он приходит к ней — но нет его!..
Скучной Лиза ему кажется.
Так в театре, где комедия
Нас смешит и научает вдруг?
Но и там, к несчастью, нет его!
Так на бале?.. Не найдешь его:
Оно в сердце должно жить у нас...

Сколько в час один бумаги я
Исписал к тебе, любезная!
Всё затем, чтоб доказать тебе,
Что спокойствие есть счастье,
Совесь чистая — сокровище,
Вольность, вольность — дар святых небес.

Но уж солнце закатилось,
Мрак и тени сходят на землю,
Красный месяц с свода ясного
Тихо льет свой луч серебряный,
Тихо льет, но черно облако
Помрачает светлый луч луны,
Как печальны воспоминания
Помрачают нас в веселый час.

В тишине я ночи лунная
Как люблю с тобой беседовать!
Как приятно мне в молчании
Вспоминать мечты прошедшие!
Мы надеждою живем, мой друг,
И мечтой одной питаемся.
Вы, богини моей юности,
Будьте, будьте навсегда со мной!

Так, Фелиса моя милая,
Так теперь, мой друг, я думаю.
Я счастлив — моим спокойствием,
Я счастлив — твоею дружбою...

1804 или 1805

7. БОГ

На вечном троне Ты средь облаков сидишь
И сильною рукой гром мешешь и разишь.
Но бури страшные и громы Ты смиряешь
И благодать на земли реками изливаешь.
Начало и конец, середина всех вещей!
Во тьме Ты ясно зришь и в глубине морей.
Хочу постичь Тебя, хочу — не постигаю.
Хочу не знать Тебя, хочу — и обретаю.

Везде могущество Твое напечатленно.
Из сильных рук Твоих родилось всё нетленно.
Но всё здесь на земли приемлет вид другой:
И мавзолеи где гордились собой,
И горы вечные где пламенем курились,
Там страшные моря волнами вдруг разлились;
Но прежде море где шумело в берегах,
Сияют класы там золотые на полях
И дым из хижины пастушечей курится.
Велишь — и на земли должно всё измениться,
Велишь — как в ветер прах, исчезнет смертных род!
Всесильного чертог, небесный чистый свод,
Где солнце, образ Твой, в лазури нам сияет
И где луна в ночи свет тихий проливает,
Туда мой скромный взор с надеждою летит!
Безбожный лжемудрец в смущеньи на вас зрит.
Он в мрачной хижине Тебя лишь отвергает:
В долине, где журчит источник и сверкает,
В ночи, когда луна нам тихо льет свой луч,
И звезды ясные сияют из-за туч,
И филомелы песнь по воздуху несется, —
Тогда и лжемудрец в ошибке признается.
Иль на горе когда ветер северный шумит,
Скрипит столетний дуб, ужасно гром гремит,
Паляща молния по облаку сверкает,
Тут в страхе он к Тебе, всевышний, прибегает,
Клянет Тебя, клянет и разум тщетный свой,
И в страхе скажет он: «Смиряюсь пред Тобой!
Тебя — тварь брэнная — еще не понимаю,
Но что Ты милостив, велик, теперь то знаю!»

1804 или 1805

8. К МАЛЬВИНЕ

Ах! чем красавицу мне должно,
Как не цветочком, подарить?
Ее, без всякой лести, можно
С приятной розою сравнить.

Что розы может быть славнее?
Ее Анакреон воспел.
Что розы может быть милее?
Амур из роз венки имел.

Ах, мне ль твердить, что вянут розы,
Что мигом их краса пройдет,
Что, лишь появятся морозы,
Листок душистый опадет.

Но что же, милая, и вечно
В печальном мире сем цветет?
Не только розы скоротечно,
И жизнь — увя! — и жизнь пройдет.

Но грации пока толпою
Тебе, Мальвина, вслед идут,
Пока они еще с тобою
Играют, пляшут и поют,

Пусть розы нежные гордятся
На лилиях груди твоей!
Ах, смею ль, милая, признаться?
Я розой умер бы на ней.

<1805>

9. ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях
И что в стихах
Украдкой от друзей на лире воспеваешь?
С Фингаловым певцом мечтаешь
Иль резвою рукой
Венок красавице сплетаешь?
Поешь мечты, любовь, покой,
Улыбку томных Корины
Иль страстный поцелуй шалуньи Зефирины?
Все, словом, прелести Цитерских уз —
Они так дороги воспитаннику муз —

Поешь теперь, а твой на Севере приятель,
Веселий и любви своей летописатель,
Беспечность полюбя, забыл и Геликон.
Терпенье и труды ведь любит Аполлон —
А друг твой славой не прельщался,
За бабочкой, смеясь, гонялся,
Красавицам стихи любовные шептал
И, глядя на людей — на пестрых кукол — мечтал:
«Без скуки, без забот не лучше ль жить с друзьями,
Смеяться с ними и шутить,
Чем исполинскими шагами
За славой побежать и в яму оскользнуть?»
Охоты, право, не имею
Через то я сделаться смешным
И умным, и глупцам, и злым,
Иль, громку лиру взяв, пойти вослед Алкею,
Надувшись пузырем, родить один лишь дым,
Как Рифмин, закричать: «Ликуй, земля, со мною!
Воспряньте, камни, лес! Зрю муз перед собою!
Восторг! Лечу на Пинд!.. Простите, что упал:
Ведь я Пиндару подражал!»
Что в громких песнях мне? Доволен я мечтами,
В покойном уголке тихонько притаюсь,
Но с светом вовсе не простясь:
Играя мыслями, я властвую духами.

Мы, право, не живем
На месте всё одном,
Но мыслями летаем;
То в Африку плывем,
То на развалинах Пальмиры побываем,
То трубку выкурим с султаном иль пашой,
Или, пленясь вдруг султановой женой,
Фатимой томной, молодой,
Тотчас дарим его рогами;
Смеемся муфтию, деремся с визирями,
И после, убежав (кто в мыслях не колдун?),
Увидим стройных нимф, услышим звуки струн,
И где ж очутимся? На бале и в Париже!
И так мечтанием бываем к счастью ближе,
А счастье лишь там живет,
Где нас, безумных, нет.
Мы сказки любим все, мы — дети, но большие.
Что в истине пустой? Она лишь ум сушит,
Мечта всё в мире золотит,
И от печали злыя
Мечта нам щит.
Ах, должно ль запретить и сердцу забываться,
Поэтов променя на скучных мудрецов!
Поэты не дают с фантазией расстаться,

Мы с ними посреди Армидиных садов,
В прохладе рощ тенистых,
Внимаем пению Орфеев голосистых.
При шуме ветерков на розах нежных спим
И возле нимф вздыхаем,
С богами даже говорим,
А с мудрецами лишь болтаем,
Браним несчастный мир да, рассердясь... зеваем.

.....

Так, сердце может лишь мечтою услаждаться!
Оно всё хочет оживить:
В лесу на утлом пне друидов находить,
Укрывшихся под ель, рукой времян согбенну;
Услышать барда песнь священну,
С Мальвиною вздохнуть на берегу морском
О ратнике младом.
Всё сердцу в мире сем вещает.
И гроб безмолвен не бывает,
И камень иногда пустынный говорит:
«Герой здесь спит!»

Так, сердцем рождена, поэзия любезна,
Как нектар сладостный, приятна и полезна.
Язык ее — язык богов;
Им дивный говорил Омир, отец стихов.
Язык сей у творца берет Протея виды.
Иной поет любовь: любимец Афродиты,
С свирелью тихую, с увенчанной главой,
Вкушает лишь покой,
Лишь радости одни встречает
И розами стезю сей жизни устиляет.
Другой,
Как славный Тасс, волшебною рукой
Являет дивный храм природы
И всех чудес ее тьмочисленные роды:
Я зрю то мрачный ад,
То счастья чертог, Армидин дивный сад;
Когда же он дела героев прославляет
И битвы воспевает,
Я слышу треск и гром, я слышу стон и крик...
Таков поэзии язык!

Не много ли с тобой уж я заговорился?
Я чересчур болтлив: я с Фебом подружился,
А с ним ли бедному поэту сдобровать?
Но, чтоб к концу привести начатое маранье,
Хочу тебе сказать,
Что пременить себя твой друг имел старанье,

Увы, и не успел! Прими мое признание!
Никак я не могу одним доволен быть,
И лучше розы мне на терны пременить,
Чем розами всегда одними восхищаться.
Итак, не должно удивляться,
Что ветреный твой друг —
Поэт, любовник вдруг
И через день потом философ с грозным тоном,
А больше дружен с Аполлоном,
Хоть и нейдет за славы громом,
Но пишет всё стихи,
Которы за грехи,
Краснеяся, друзьям вполголоса читает
И первый сам от них зевает.

Первая половина 1805

10. <НА СМЕРТЬ И. П. ПНИНА>

Que vois-je, c'en est fait;
je t'embrasse, et tu meurs.
Voltaire*

Где друг наш? Где певец? Где юности красы?
Увы, исчезло всё под острием косы!
Любимца нежных муз осиротела лира,
Замолк певец: он был, как мы, лишь странник мира!
Нет друга нашего, его навеки нет!
Недолго мир им украшался:
Завял, увы, как майский цвет,
И жизни на заре с друзьями он расстался!

Пнин чувствам дружества с восторгом предавался;
Несчастливым не одно он золото дарил...
Что в золоте одном? Он слезы с ними лил.
Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал,
В беседах дружеских любезен,
Друзей в родных он обращал.

И мы теперь, друзья, вокруг его могилы
Объемлем только хладный прах,
Твердим с тоской и во слезах:
Покойся в мире, друг наш милый,
Питомец граций, муз, ты жив у нас в сердцах!

Когда в последний раз его мы обнимали,
Казалось, с нами мир грустил,

* Что вижу я, все кончено; я тебя обнимаю, и ты умираешь. Вольтер (Франц.). — *Ред.*

И сам Амур в печали
Светильник погасил:
Не кипарисну ветвь унылу,
Но розу на его он положил могилу.

Сентябрь 1805

11. СОВЕТ ДРУЗЬЯМ

Faut-il etre tant volage,
Ai-je dit au doux plaisir...*

Подайте мне свирель простую,
Друзья! и сядьте вокруг меня
Под эту вяза тень густую,
Где свежесть дышит среди дня;
Приблизьтесь, сядьте и внемлите
Совету музы вы моей:
Когда счастливо жить хотите
Среди весенних кратких дней,
Друзья! оставьте призрак славы,
Любите в юности забавы
И сейте розы на пути.
О юность красная! цветы!
И, током чистым окропленна,
Цвети хотя немного дней,
Как роза, миртом осененна,
Среди смеющихся полей;
Но дай нам жизнью насладиться,
Цветы на тернах находить!
Жизнь — миг! не долго веселиться,
Не долго нам и в счастье жить!
Не долго — но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта — прямая счастья мать!
Ах! должно ли всегда вздыхать
И в майский день не улыбаться?
Нет, станем лучше наслаждаться,
Плясать под тению густой
С прекрасной нимфой молодой,
Потом, обняв ее рукою,
Дыша любовью одною,
Тихонько будем воздыхать
И сердце к сердцу прижимать.

Какое счастье! Вахх веселый
Густое здесь вино нам льет,
А тут в одежде тонкой, белой

* Нужно ли быть столь мимолетным? — сказал я сладостному наслаждению (франц.). — *Ред.*

Эрата нежная поет:
Часы крылаты! не летите,
Ах! счастье мигом хоть продлите!

Но нет! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они;
Ни лень, ни сердца наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукой
Губит и радость, и покой!

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашею прохлад
Ужель вкушать не буду боле?
Ужели скоро в тихом поле
Под серым камнем стану спать?
И лира, и свирель простая
На гробе будут там лежать!
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Прах хладный мой не окропится!
Ах! должно ль мне о том крушиться?
Умру, друзья! — и всё со мной!
Но парки темною рукою
Прядут, прядут дней тонку нить...
Коринна и друзья со мною, —
О чем же мне теперь грустить?

Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здесь не вечна,
То лучше в жизни петь, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость с шутками мешать,
Чем, бегая за дымом славы,
От скуки и забот зевать.

<1806>

12. К ГНЕДИЧУ

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.
Мне оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?

Путь к забавам проложен,
К славе тесен и мудрен!
Мне ль за призраком гоняться,
Лавры с скукой собирать?
Я умею наслаждаться,
Как ребенок всем играть,
И счастлив!.. Досель цветами
Путь ко счастью устилал,
Пел, мечтал, подчас стихами
Горесть сердца услаждал.
Пел от лени и досуга;
Муза мне была подруга;
Не был ей поработчен.
А теперь — весна, как сон
Легкокрылый, исчезает
И с собою увлекает
Прелесть песней и мечты!
Нежны мирты и цветы,
Чем прелестницы венчали
Юного певца, — завяли!
Ах! ужели наградит
Слава счастья утрату
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

1806

13. <Н. И. ГНЕДИЧУ>

По чести, мудро в санях или верхом,
Когда кричат: «марш, марш, слушай!» кругом,
Писать тебе, мой друг, посланья...
Нет! Музы, убоясь со мной свиданья,
Честненько в Петербург иль Бог знает куда
Изволили сокрыться.
А мне без них беда!
Кто волком быть привык, тому не разучиться
По-волчьи и ходить, и лаять навсегда.
Частенько, погружаясь в священну думу,
Не слыша барабанов шуму,
И крику резкого осанистых стрелков,
Я крылья придаю моей ужасной кляче
И прямо — на Парнас! — или иначе,
Не говоря красивых слов,
Очутится пред мной печальная картина:
Где ветер со всех сторон в разбиты окна дует
И где любовницу, нахмурясь, кот целует,
Там финна бедного сума

С усталых плеч валится,
Несчастный к уголку садится
И, слезы утерев разданным рукавом,
Доглаживает хлеб мякинный и голодный...
Несчастный сын страны холодной!
Он с голодом, войной и русскими знаком!

Март 1807

14. ПАСТУХ И СОЛОВЕЙ

Басня

Владиславу Александровичу Озерову

Любимец строгой Мельпомены,
Прости усердный стих безвестному певцу!
не лавры к твоему венцу,
Рукою дерзкою сплетенны,
Я в дар тебе принес. К чему мой фимиам
Творцу «Димитрия», кому бессмертны музы,
Сложив признательности узы,
Открыли славы храм?
А храм сей затворен для всех зоилов строгих,
Богатых завистью, талантами убогих.
Ах, если и теперь они своей рукой
Посмеют к твоему творенью прикасаться,
А ты, наш Эврипид, чтоб позабыть их рой,
Захочешь с музами расстаться
И боле не писать,
Тогда прошу тебя рассказ мой прочитать.

Пастух, задумавшись в ночи безмолвной мая,
С высокого холма вокруг себя смотрел,
Как месяц в тишине великолепно шел,
Лучом серебряным долины освещая,
Как в рощах липовых чуть легким ветерком
Листы колеблемы шептали
И светлые ручьи, почив с природой сном,
Едва меж берегов струей своей мелькали.
Из рощи соловей
Долины оглашал гармонией своей,
И эхо песнь его холмам передавало.
Всё душу пастуха задумчиво пленяло,
Как вдруг певец любви на ветвях замолчал.
Напрасно наш пастух просил о песнях новых.
Печальный соловей, вздохнув, ему сказал:
«Недолго в рощах сих дубовых
Я радость воспевал!
Пройдет и петь охота,

Когда с соседнего болота
Лягушки кваканьем как бы назло глушат;
Пусть эта тварь поет, а соловьи молчат!»
«Пой, нежный соловей, — пастух сказал Орфею, —
Для них ушей я не имею.
Ты им молчаньем петь охоту придаешь:
Кто будет слушать их, когда ты запоешь?»

Весна 1807

15. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев соцветанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь: она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

Июнь или июль 1807

16. СОН МОГОЛЬЦА

Баснь

Могольцу снилися жилища Елисейски:
Визирь блаженный в них
За добрые дела житейски
В числе угодников святых,
Покойно спал на лоне гурий.
Но сонный видит ад,
Где, пламенем объят,
Терзаемый бичами фурий,

пустынник испускал ужасный вопль и стон.
Моголец в ужасе проснулся,
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал;
Тотчас гадателя призвал,
И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь нимало,
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
Сей праведник, визирь, оставя двор и град,
Жил честно и всегда любил уединенье, —
Пустынник на поклон таскался к визирям».

С гадателем сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревьям и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.

Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
Блаженству моему настанет ли череда?
Ах! кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел теченью?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай пленит меня источников журчанье.
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом:
Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он,
Зимой — близ огонька, в тени древесной — летом?
Без страха двери сам я парке отопру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру.

<1808>

17. <Н. И. ГНЕДИЧУ>

Прерву теперь молчания узы
Для друга сердца моего.
Давно ты от ленивой музы,
Давно не слышал ничего.
И можно ль петь моей цевнице

В пустыне дикой и пустой,
Куда никак нельзя царице
Поэзии прийти молодой?
И мне ли петь под гнетом рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?..

Пусть хладные сердца одни
Средь моря бедствий засыпают
И взор спокойно обращают
На гробы ближних и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змией,
Чтоб рану нанести жестоку
И непорочности самой.
Но мне ль с чувствительной душой
Быть в мире зол спокойной жертвой
И клеветы, и разных бед?..
Увы! я знаю, что сей свет
Могилой создан нам отверстой,
Куда падет, сражен косою,
И царь с венчанною главой,
И пастырь, и монах, и воин!
Ужели я один достоин
И вечно жить, и быть блажен?

Увы! здесь всяк отягощен
Ярмом печали и цепями,
Которых нам по смерть руками,
Столь слабыми, нельзя сложить.
Но можно ль их, мой друг, влачить
Без слез, не сокрушась душевно?
Скорее морем лъзя безбедно
На валкой ладие проплыть,
Когда Борей расширит крылы,
Без ветрил, снастей и кормила,
И к небу взор не обратить...

Я плачу, друг мой, здесь с тобою,
А время молнией летит.
Уж месяц светлый надо мною
Спокойно в озеро глядит,
Всё спит под кровом майской ночи,
Едва ли водопад шумит,
Безмолвен дол, вздремали рощи,
В которых луч луны скользит
Сквозь ветки, на землю склоненны.
И я, Морфеем удрученный,
Прерву цевницы скорбный глас
И, может, в полуночный час

Тебя в мечте, мой друг, познаю
И раз еще обლობызаю...

Между маем и 1 июля 1808

18. К ТАССУ*

Позволь, священна тень, безвестному певцу
Коснуться к твоему бессмертному венцу
И сладость пения твоей авзонской музыки,
Достойной берегов прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лире повторить
И новым языком с тобою говорить!**

Среди Элизия близ древнего Омира
Почиет тень твоя, и Аполлона лира
Еще согласьем дух поэта веселит.
Река забвения и пламенный Коцит
Тебя с любовницей, о Тасс, не разлучили:***
В Элизии теперь вас музы съединили,
Печали нет для вас, и скорбь протекших дней,
Как сладостну мечту, объемлете душой...
Торквато, кто испил все горькие отравы
Печалей и любви и в храм бессмертной славы,
Ведомый музами, в дни юности проник, —
Тот преждевременно несчастлив и велик!****
Ты пел, и весь Парнас в восторге пробудился,
В Феррару с музами Феб юный ниспустился,
Назонову тебе он лиру сам вручил,
И гений крыльями бессмертья осенил.
Воспел ты бурну брань, и бледны эвмениды
Всех ужасов войны открыли мрачны виды:
Бегут среди полей и топчут знамена,
Светильником вражды их ярость разжена,
Власы растрепаны и ризы обагрены,
Я сам среди смертей... и Марс со мною медный...
Но ужасы войны, мечей и копий звук
И гласы Марсовы как сон исчезли вдруг:
Я слышу вдалеке пастушечьи свирели,
И чувства душию иные овладели.
Нет более вражды, и бог любви молодой
Спокойно спит в цветах под миртою густой.

* Сие послание предположено было напечатать в заглавии перевода «Освобожденного Иерусалима»

** Кажется, до сих пор у нас нет перевода Тассовых творений в стихах.

*** Торквато был жертвою любви и зависти. Всем любителям словесности известна жизнь его.

**** Тасс десяти лет от роду писал стихи и, будучи принужден бежать из Неаполя с отцом своим, сравнивал себя с молодым Асканием. До тридцатилетнего возраста кончил он бессмертную поэму Иерусалима, написал «Аминту», много рассуждений о словесности и проч.

Он встал, и меч опять в руке твоей блистает!
 Какой Протей тебя, Торквато, пременяет,
 Какой чудесный бог чрез дивные мечты
 Рассеял мрачные и нежны красоты?
 То скиптр в его руках или перун зажженный,
 То розы юные, Киприде посвященны,
 Иль факел эвменид, иль луч златой любви.
 В глазах его — любовь, вражда — в его крови;
 Летит, и я за ним лечу в пределы мира,
 То в ад, то на Олимп! У древнего Омира
 Так шаг один творил огромный бог морей
 И досягал другим краев подлунной всей.
 Армиды чарами, средь моря сотворенной,
 Здесь тенью миртовой в долине осененной,
 Ринальд, молодой герой, забыв воинский глас,
 Вкушает прелести любви и зараз...
 А там что зрят мои обворожены очи?
 Близ стана воинска, под кровом черной ночи,
 При зареве бойниц, пылающих огнем,
 Два грозных воина, вооружась мечом,
 Неистойвой рукой струят потоки крови...
 О, жертва ярости и плачущей любви!..
 Постойте, воины!.. Увы!.. один падет...
 Танкред в враге своем Клоринду узнает,
 И морем слез теперь он платит, дерзновенный,
 За каплю каждую сей крови драгоценной...*

Что ж было для тебя наградою, Торкват,
 За песни стройные? Зоилов острый яд,
 Притворная хвала и ласки царедворцев,
 Отрава для души и самых стихотворцев,
 Любовь жестокая, источник зол твоих,
 Явилася тебе среди палат златых,
 И ты из рук ее взял чашу ядовиту,
 Цветами юными и розами увиту,
 Испил и, упоен любовною мечтой,
 И лиру, и себя поверг пред красотой.
 Но радость наша — ложь, но счастье — крылато;
 Завеса раздрана! Ты узник стал, Торквато!
 В темницу мрачную ты брошен, как злодей,
 Лишен и вольности, и Фебовых лучей.
 Печаль глубокая поэтов дух сразила,
 Исчез талант его и творческая сила,
 И разум весь погиб! О вы, которых яд
 Торквату дал вкусить мучений лютых ад,

* Gli occhi tuoi pagheran...
 Di quel sangue ogni stilla un mar di pianto.
 La Gierusalemme. Canto XII.

(За каждую каплю этой крови твои глаза заплатят морем слез. «Иерусалим». Песнь XII) (итал.). — *Ред.*

Придите зрелищем достойным веселиться
И гибелью его таланта насладиться!
Придите! Вот поэт превыше смертных хвал,
Который говорить героев заставлял,
Проникнул взорами в небесные чертоги, —
В железах стонет здесь... О милосердны боги!
Доколе жертвою, невинность, будешь ты
Бесчестной зависти и адской клеветы?

Имело ли конец несчастье поэта?
Железною рукой печаль и быстры лета
Уже безвременно белят его волосы,
В единообразии бегут, бегут часы,
Что день, то прежняя скорбь, что ночь — мечты ужасны...
Смягчился наконец завет судьбы злосчастной.
Свободен стал поэт, и солнца луч златой
Льет в хладну кровь его отраду и покой:
Он может опочить на лоне светлой славы.
Средь Капитолия, где стены обветшала
И самый прах еще о римлянах твердит,
Там ждет его триумф... Увы!.. там смерть стоит!
Неумолимая берет венок лавровый,
Поэта увенчать из давних лет готовый.
Премена жалкая столь радостного дни!
Где знамя почестей, там смертны пелены,
Не увенчание, но лики погребальны...
Так кончились твои, бессмертный, дни печальны!

Нет более тебя, божественный поэт!
Но славы Тассовой исполнен в веки свет!
Едва ли прах один остался древней Трои,
Не знаем и могил, где спят ее герои,
Скамандр божественный вертепами течет,
Но в памяти людей Омир еще живет,
Но человечество певцом еще гордится,
Но мир ему есть храм... И твой не сокрушится!

Между маем и началом августа 1808

19. <ОТРЫВОК ИЗ I ПЕСНИ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»>

Пустынный Петр говорил в верховном совете.
Он предложил Готфреда в вожди.

Скончал пустынный речь... Небесно вдохновенье!
Не скрыто от тебя сердечное движенье,

Ты в старцевы уста глагол вложило сей
И сладость оного влило в сердца князей,
Ты укротило в них бушующие страсти,
Дух буйной вольности, любовь врожденну к власти:
Вильгельм и мудрый Гелф, первейший из вождей,
Готфреда нарекли вождем самих царей.

И плески шумные избранье увенчали!
«Ему единому, — все ратники вещали, —
Ему единому вести ко славе нас!
Законы пусть дает его единый глас;
Доселе равные, его послушны воле,
Под знаменем святым пойдем на бранно поле,
Поганство буйное святыне покорим.
Награда небо нам: умрем иль победим!»

Узрели воины начальника избранна
И властью почли достойно увенчанна.
Он плески радостны от войска восприял,
Но вид приличия спокойного являл.
Клялися все его повиноваться воле.
Наутро он велел полкам собраться в поле,
Что рать под знамена священны притекла
И слава царское веленье разнесла.

Торжественней в сей день явилось над морями
Светило дня, лучи лиющее реками!
Христово воинство в порядке потекло
И дол обширнейший строями облегло.
Развились знамена, и копыя заблистали,
Скользящие лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двинулось: перед вождем течет
Тяжела конница и ей пехота вслед.

О память светлая! тобою озаренны
Протекши времена и подвиги забвенны,
О память, мне свои хранилища открой!
Чьи ратники сии? Кто славный их герой?
Повеждь, да слава их, утраченна веками,
Твоими возблестит небренными лучами!
Увековечи песнь нетлением своим,
И время сокрушит железо перед ним!

Явились первые неустрашимы галлы:
Их грудь облечена в слиянные металлы,
Оружие звенит тяжелое в руках.
Гуг, царский брат, сперва был вождем в сих полках;
Он умер, и хоругвь трех лилий благородных
Не в длани перешла ее царей природных,
Но к мужу, славному по доблести своей:
Клотарий избран был в преемники царей.

Счастливей Иль-де-Франс, обильней, многоводней,
Вождя и ратников строю был природней.
Нормандцы грозные текут сим войскам вслед:
Роберт их кровней царь, ко брани днесь ведет.
На галлов сходствует оружье их и нравы;
Как галлы, не щадят себя для царской славы.
Вильгельм и Адемар их войски в брань ведут,
Народов пастыри за веру кровь лиют.

Кадилицу они с булатом сочетали
И длинные власы шеломами венчали.
Святое рвение! Их меткая рука
Умеет поражать врагов издалека.
Четырестам мужам, в Орангии рожденным,
Вильгельм предшествует со знаменем священным;
Но равное число идет из Пуйских стен,
И Адемар вождем той рати наречен.

Се идет Бодоин с болонцами своими:
Покрыты чела их шеломами златыми.
Готфреда воины за ними вслед идут,
Вождем своим теперь царева брата чтут.
Корнутский граф потом, вождь мудрости избранный,
Четыреста мужей ведет на подвиг бранный;
Но трижды всадников толикое число
Под Бодоиновы знамена притекло.

Гелф славней возле них покрыл полками поле,
Гелф славен счастьем, но мудростию боле.
Из дома Эстского сей витязь родился,
Воспринят Гелфом был и Гелфом назвался;
Каринтией теперь богатой обладает
И власть на ближние долины простирает,
По коим катит Рейн свой серебряный кристалл:
Свев дикий искони там в детстве обитал.

Между маем и началом августа 1808

20. <ОТРЫВОК ИЗ XVIII ПЕСНИ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»>

Адские духи царствуют в очарованном лесе; Ринальд по повелению
Готфреда шествует туда, дабы истребить чары Исменовы.

Се час божественный Авроры золотой:
Со светом утренним слился мрак ночной,
Восток румяными огнями весь пылает,
И утрення звезда во блесках потухает.

Оставляя по траве, росой обмытой, след,
К горе Оливовой Ринальд уже течет.
Он в шествии своем светилы зрит небренны,
Руками Вышнего на небесах возженны,
Зрит целый свод небес, раскинут как шатер,
И в мыслях говорит: «Колико Ты простер,
Царь вечный и благий, сияния над нами!
В день солнце, образ Твой, течет под небесами,
В ночь тихую луна и сонм бесчисленных звезд
Лият утешный луч с лазури горных мест.
Но мы, несчастные, страстями упоенны,
Мы слепы для чудес: красавиц взор влюбленный,
Улыбка страстная и вредные мечты
Приятнее для нас нетленной красоты».
На твердые скалы в сих мыслях востекает
И там чело свое к лицу земли склоняет.
Но духом к вечному на небеса парит.
К востоку обратясь, с восторгом говорит:
«Отец и Царь благий, прости мне ослепленье,
Кипящей юности невольное заблужденье,
Прости и на меня излей своей рукой
Источник радости и благодати святой!»
Скончал молитву он. Уж первый луч Авроры
Блещет сквозь туман на отдаленные горы;
От пурпурных лучей героев шлем горит.
Зефир, спорхнув с цветов, по воздуху парит
И грозное чело Ринальда лобызает;
Ниспадшею росой оружие блистает,
Щит крепкий, копие, железная броня
Как золото горят от солнечного огня.
Так роза блеклая, в час утра оживая,
Красуется, слезой Аврориной блистая;
Так, чешуей гордясь, весною лютый змей
Вьет кольца по песку излучистой струей.
Ринальд, блистанием оружия удивленный,
Стопами смелыми — и свыше вдохновенный —
Течет в сей мрачный лес, самих героев страх,
Но ужасов не зрит: в прохладе и тених
Там нега с тишиной, обнявшись, засыпают,
Зефиры горлицей меж тростников вздыхают,
И с томной сладостью журчит в кустах ручей.
Там лебедь песнь поет, с ним стонет соловей,
И гласы сельских нимф и арфы тихострунной
Несутся по лесу как хор единошумный.
Не нимф и не сирен, не птиц небесных глас,
Не царство сладкое и неги, и заразы
Мечтал найти Ринальд, но ад и мрак ужасный,
Подземные огни и трески громогласны.
Восторжен, удивлен, он шаг умерил свой
И путь остановил над светлую рекой.

Она между лугов, казалось, засыпала
И в зеркальных водах берега образовала,
Как цепь чудесная, вокруг леса облегла.
Пространство всё её текуща кристалла
Древа, соплетшись ветвями, осеняли,
Питались влагою и берег украшали.
На водах мраморных мост дивный, весь золотой,
Явил через реку герою путь прямой.
Ринальд течет по нем, конца уж достигает,
Но свод, обрушившись, мост с треском низвергает.
Кипящие валы несут его с собой.
Не тихая река, не ток сей, что весной,
Снегами наводнен, текущими с вершины,
Шумит и пенится в излучинах долины,
Представился тогда Ринальдовым очам.
Герой спешит отоль к безмолвным сим лесам,
В вертепы мрачные, обильны чудесами,
Где всюду под его рождались стопами
(О, призрак волшебства и дивные мечты!)
Ручьи прохладные и нежные цветы.
Влюбленный здесь нарцисс в прозрачный ток глядится,
Там роза, цвет любви, на терниях гордится;
Повсюду древний лес красуется, цветет,
Вид юности кора столетних лип берет,
И зелень новая растения венчает.
Роса небесная на ветвях блистает,
Из толстыя коры струится светлый мед.
Любовь живет весь лес, с пернатыми поет,
Вздыхает в тростниках, журчит в ручьях кристалльных,
Несется песнями, теряясь в рощах дальних,
И тихо с ветерком порхая по цветам.
Герой велик и мудр, не верит он очам
И адским призракам в лесу очарованном.
Вдруг видит на лугу душистом и просторном
Высокий мирт, как царь, между дерев других.
Красуется его чело в ветвях густых,
И тень прохладная далеко вокруг ложится.
Из дуба ближнего сирена вдруг рождается,
Волшебством создана. Чудесные мечты
Прияли гибкий стан и образ красоты.
Одежда у нее, поднятая узлами,
Блестит, раскинута над белыми плечами.
Сто нимф из ста дерев внезапно родились
И все лилейными руками соплелись.
На мертвом полотне так — кистию чудесной
Изображенный — зрим под тению древесной
Лик сельских стройных дев, собрание красот:
Играют, резвые, сплетаясь в хоровод,
Их ризы как туман, и перси обнаженны,
Котурны на ногах, власы переплетенны.

Так лик чудесных нимф наместо грозных стрел
Златыми цитрами и арфами владел.
Одежды легкие они с рамен сложили
И с пляской, с пением героя окружили.
«О ратник юноша, счастлив навеки ты,
Любим владычицей любви и красоты!
Давно, давно тебя супруга ожидала,
Отчаянна, одна, скиталась и стенала.
Явился — и с тобой расцвел сей дикий лес,
Чертог уныния, отчаянья и слез».
Еще нежнейший глас из мирта издается
И в душу ратника, как нектар сладкий, льется.
В древнейши, баснями обильные века,
Когда и низкий куст, и малая река
Дриаду юную иль нимфу заключали,
Столь дивных прелестей внезапно не рождали.
Но мирт раскрыл себя... О призрак, о мечты!
Ринальд Армиды зрит стан, образ и черты,
К нему любовница взор страстный обращает,
Улыбка на устах, в очах слеза блистает,
Все чувства борются в пылающей груди,
Вздыхая, говорит: «Друг верный мой, приди,
Отри своей рукой сих слез горячих реки,
Отри и сердце мне свое отдай навеки!
Вещай, зачем притек? Блаженство ль хочешь пить,
Утешить сирую и слезы осушить,
Или вражду принес? Ты взоры отвращаешь,
Меня, любовницу, оружием страшашь...
И ты мне будешь враг!.. Ужели для вражды
Воздвигла дивный мост, посеяла цветы,
Ручьями скрасила вертеп и лес дремучий
И на пути твоём сокрыла терн колючий?
Ах, сбрось свой грозный шлем, чело дай зреть очам,
Прижмись к груди моей и к пламенным устам,
Умри на них, супруг!.. Сгораю вся тобою —
Хоть грозною меня не отклони рукою!»
Сказала. Слез ручей блестит в ее очах,
И розы нежные бледнеют на щеках.
Томится грудь ее и тягостно вздыхает;
Печаль красавице приятства умножает,
Из сердца каменна потек бы слез ручей —
Чувствителен, но тверд герой в душе своей.
Меч острый обнажил, чтоб мирт сразить ударом;
Тут древо защитив, рекла Армида с жаром:
«Убежище мое, о варвар, ты разишь!
Нет, нет, скорее грудь несчастная пронзишь,
Упьешься кровию своей супруги страстной...»
Ринальд разит его.. И призрак вдруг ужасный,
Гигант, чудовище явилось пред ним,
Армиды прелести исчезнули, как дым.

Сторукий исполин, покрытый чешуею,
Небес касается неистовой главою.
Горит оружие, звенит на нем броня,
Исполнена гортань и дыма, и огня.
Все нимфы вокруг его циклопов вид прияли,
Щитами, копьями ужасно застучали.
Бесстрашен и велик средь ужасов герой!
Стократ волшебный мирт разит своей рукой:
Он вздрогнул под мечем и стоны испускает.
Пылает мрачный лес, гром трижды ударяет,
Исчадья адские явились на земле,
И серны молнии взвились в ужасной мгле.
Ни ветер, ни огонь, ни дым не устрошил героя...
Упал волшебный мирт, и бездны ад закроя,
Ветр бурный усмирил и бурю в облаках,
И прежняя лазурь явилась в небесах.

Между августом 1808 и первой половиной 1809

21. ВОСПОМИНАНИЕ

Мечты! — повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устлали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала;
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зеркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огонь в часы туманной ночи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла как мечта!..
Осталось мрачно вспоминанье...
Между протекшего есть вечная черта:
Нас сблизит с ним одно мечтанье.

Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным:
Я, Неман переплыв, узрел желанный край,
И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай
И, шага не ступя за хижину убогу,
К себе богиню быстроногу
В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью,
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».

Между июлем 1807 и ноябрем 1809

22. СТИХИ Г. СЕМЕНОВОЙ

E in si bel corpo piu cara venia.*

Тасс. V песнь «Освобожденного Иерусалима»

Я видел красоту, достойную венца,
Дочь добродетельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастного слепца;
Я видел, я внимал ее сердечну стону —
И в рубище простом почтенной нищеты
Узнал богиню красоты.

Я видел, я познал ее в Моине страстной,
Средь сонма древних бард, средь копий и мечей,
Ее глас сладостный достиг души моей,
Ее взор пламенный, всегда с душой согласный,
Я видел — и познал небесны черты
Богини красоты.

О дарование, одно другим венчанно!**
Я видел Ксению, стелящу предо мной:
Любовь и строгий долг владеют вдруг княжной;
Боренье всех страстей в ней к ужасу слиянно,
Я видел, чувствовал душевной полнотой
И счастлив сей мечтой!

* В прекрасном теле прекраснейшая душа (итал.). — *Ред.*

** Дарование поэта и актрисы.

Я видел и хвалить не смел в восторге страстном;
Но ныне, истиной священной вдохновлен,
Скажу: красот собор в ней явно съединен:
Душа небесная во образе прекрасном
И сердца доброго все редкие черты,
Без коих ничего и прелесть красоты.

6 сентября 1809, Ярославль

23. ВИДЕНИЕ НА БЕРЕГАХ ЛЕТЫ

Вчера, Бобровым утомленный,
Я спал и видел странный сон!
Как будто светлый Аполлон,
За что, не знаю, прогневленный,
Поэтам нашим смерть изрек;
Изрек — и все упали мертвы,
Невинны Аполлона жертвы!
Иной из них окончил век,
Сидя на чердаке высоком,
В издранном шлафроке широком,
Наг, голоден и утомлен
Упрямой рифмой к *светлу небу*.
Другой, в Цитеру пренесен,
Красу, умильную как Гебу,
Хотел для нас насильно... петь
И пал бес чувств в конце эклоги;
Везде, о милосердны боги!
Везде пирует алчна смерть,
Косою острой быстро машет,
Богату ниву аду пашет
И губит Фебовых детей,
Как ветер осенний злак полей!
Меж тем в Элизии священном,
Лавровым лесом осененном,
Под шумом Касталийских вод,
Певцов нечаянный приход
Узнал почтенный Ломоносов,
Херасков, сын и слава россов,
Самолюбивый Фебов сын,
Насмешник, грозный бич пороков,
Замысловатый Сумароков
И, Мельпомены друг, Княжнин.
И ты сидел в толпе избранной,
Стыдливой грацией венчанный,
Певец прелестных мечты,
Между Психеи* легкокрылой

* Психею — душу или мечту — древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном.

И бога нежной красоты;
 И ты там был, наездник хилый
 Строптивя девственниц седла,
 Трудолюбивый, как пчела,
 Отец стихов «Тилемахиды»,
 И ты, что сотворил обиды
 Венере девственной, Барков!
 И ты, о мой певец беззлобный,
 Хемницер, в баснях бесподобный! —
 Все, словом, коих бог певцов
 Венчал бессмертия лучами,
 Сидели там олив в тени,
 Обнявшись с прежними врагами;
 Но спорили еще они
 О том, о сем — и не без шума
 (И в рае, думаю, у нас
 У всякого своя есть дума,
 Рассудок свой, и вкус, и глаз).
 Садились все за пир богатый,
 Как вдруг Майинин сын крылатый,
 Ниссланный вышним Божеством,
 Сказал сидящим за столом:
 «Сюда, на берег тихой Леты,
 Бредут покойные поэты;
 Они в реке сей погрузят
 Себя и вместе юных чад.
 Здесь опыт будет правосудный:
 Стихи и проза безрассудны
 Потонут вмиг: так Феб судил!» —
 Сказал Эрмий — и силой крыл
 От ада к небу воспарил.
 «Ага! — Фонвизин молвил братьям, —
 Здесь будет встреча не по платьям,
 Но по заслугам и уму».
 — «Да много ли, — в ответ ему
 Кричал, смеясь, Сумароков, —
 Певцов найдется без пороков?
 Поглотит Леты всех струя,
 Поглотит всех, иль я не я!»
 — «Посмотрим, — продолжал вполгласа
 Поэт, проклятый от Парнаса, —
 Егда придут...» Но вот они,
 Подобно как в осенни дни
 Поблеклы листья древесны,
 Что буря в долах разнесла, * —
 Так теням сим не весть числа!
 Идут толпой в ущелья тесны,
 К реке забвения стихов,
 Идут под бременем трудов;

* Смотри VI песнь «Энеиды»

Безгласны, бледны, приступают,
 Любезных детищей купают...
 И более не зрят в волнах!
 Но тут Минос, певцам на страх,
 Старик угрюмый и курносый,
 Чинит расправу и вопросы:
 «Кто ты, вещай?» — «Я тот поэт,
 По счастью очень плодovitый
 (Был тени маленькой ответ),
 Я тот, венками роз увитый
 Поэт-философ-педагог,
 Который задушил Вергилия,
 Окоротил Алкею крылья.
 Я здесь! *Сего бо хочет Бог*
И долг священныя природы...»*
 — «Кто ж ты, болтун?» — «Я... Верзляков!»
 — «Ступай и окунися в воды!»
 — «Иду... во мне вся мерзнет кровь...
 Душа... всего... душа природы,
 Спаси... спаси меня, любовь!
 Авось...» — «Нет, нет, болтун несчастный,
 Довольно я с тобою вы!» —
 Сказал ему Эрот прекрасный,
 Который тут с Психеей был.
 «Ступай!» — Пошел, — и нет педанта.
 «Кто ты?» — спросил доносчик тень,
 Несущу связку фолианта?
 «Увы, я целу ночь и день
 Писал, пишу и вечно буду
 Писать... всё прозой, без *еров*.
 Невинен я. На эту груду
 Смотри, здесь тысячи листов,
 Священной пылию покрытых,
 И нет *ера* ни одного.
 Да, я!..» — «Скорей купать его!»
 Но тут явились лица новы
 Из белокаменной Москвы.
 Какие странные обнови!
 От самых ног до головы
 Обшиты платья их листьями,
 Где прозой детской и стихами
 Иной кладбище, мавзоль,
 Другой журнал души своей,
 Другой Меланию, Зюльмису,
 Луну, Веспера, голубков,
 Глафиру, Хлою, Милитрису,
 Баранов, кошек и котов**
 Воспел в стихах своих унылых

* Смотри «Тень Кука»

** Всё это, даже и кошки, воспеты в Москве — ссылаюсь на журналы.

На всякий лад для женщин милых
(О, век железный!..). А оне
Не только въяве, но во сне
Поэтов не видали бедных.
Из этих лиц уныло-бледных
Один, причесанный в тупей,
Поэт присяжный, князь вралей,
На суд явил творенья новы.
«Кто ты?» — «Увы, я пастушок,
Вдыхатель, завсегда готовый;
Вот мой венок и посошок,
Вот мой букет цветов тафтяных,
Вот список всех красот упрямых,
Которыми дышал и жил,
Которым я насильно мил.
Вот мой баран, моя Аглая», —
Сказал и, тягостно зевая,
Спросонья в Лету поскользнул!
«Уф! я устал, подайте стул,
Позвольте мне, я очень славен.
Бессмертен я, пока забавен».
— «Кто ж ты?» — «*Я Русский и поэт.*
Бегом бегу, лечу за славой,
Мне враг чужой рассудок здравый.
Для Русских прав мой толк кривой,
И в том клянусь моей сумой».
— «Да кто же ты?» — «Жан-Жак я Русский,
Расин и Юнг, и Локк я Русский,
Три драмы Русских сочинил
Для Русских; нет уж боле сил
Писать для Русских драмы слезны;
Труды мои все бесполезны!
Вина тому — разврат умов», —
Сказал — в реку! и был таков!
Тут Сафы русские печальны,
Как бабки наши повивальны,
Несли расплаканных детей.
Одна — прости Бог эту даму! —
Несла уродливую драму,
Позор для ада и мужей,
У коих сочиняют жены.
«Вот мой Густав, герой влюбленный...»
— «Ага! — судья певиче сей, —
Названья этого довольно:
Сударыня! мне очень больно,
Что вы, забыв последний стыд,
Убили драмою Густава.
В реку, в реку!» О, жалкий вид!
О, тщетная поэтов слава!
Исчезла Сафо наших дней

С печальной драмою своей;
Потом и две другие дамы,
На дам живые эпиграммы,
Нырнули в глубь туманных вод.
«Кто ты?» — «Я — виноносный гений.
Поэмы три да сотню од,
Где всюду ночь, где всюду тени,
Где роцца ржуцца ружий ржот,*
Писал с заказа Глазунова
Всегда на срок... Что вижу я?
Здесь реет между вод ладья,
А там, в разрывах черна крова,
Урания — душа сих сфер
И все титаны ледовиты,
Прозрачной мантией покрыты,
Слезят!» — Иссякнул изувер
От взора пламенной Эгиды.
Один отец «Телемахиды»
Слова сии умел понять.
На том берегу реки забвенья
Стояли тени в изумленьи
От речи сей: «Изволь купать
Себя и всех своих уродов». —
Сказал, не слушая доводов,
Угрюмый ада судия.
«Да всех поглотит вас струя!..»
Но вдруг на адский берег дикий
Призрак чудесный и великий
В обширном дедовском возке
Тихонько тянется к реке.
Наместо клячей запряженны,
Там люди в хомуты вложенны
И тянут кое-как, гужом!
За ним, как в осень трутни праздны,
Крылатым в воздухе полком
Летят толпою тени разны
И там и сям. По слову: «Стой!»
Кивнула бледна тень главой
И вышла с кашлем из повозки.
«Кто ты? — спросил ее Минос, —
И кто сии?» — на сей вопрос:
«Мы все с Невы поэты росски», —
Сказала тень. — «Но кто сии
Несчастливы, в клячей превращенны?»
— «Сочлены юные мои,
Любовью к славе вдохновенны,
Они Пожарского поют
И топят старца Гермогена;
Их мысль на небеса вперенна,

* Этот стих взят из сочинений Боброва, я ничего не хочу присваивать.

Слова ж из Библии берут;
Стихи их хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски».
— «Да кто ж ты сам?» — «Я также член;
Кургановым писать учен;
Известен стал не пустяками,
Терпеньем, потом и трудами;
Аз есмь зело *славенофил*», —
Сказал и пролог растворил.
При слове сем в блаженной сени
Поэтов приподнялись тени;
Певец любовныя езды
Ослабил взор *усмешкой блудной*
И рек: «О муж, умом не скудный!
Обретший редки красоты
И смысл в моей «Деидамии»,
Се ты! се ты!..» — «Слова пустые», —
Угрюмый судия сказал
И в Лету путь им показал.
К реке подвинулись толпою,
Ныряли всячески в водах;
Тот книжку потопил в струях,
Тот целу книжищу с собою.
Один, один славенофил,
И то повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду.
Тут тень к Минусу подошла
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке издранном,
В пуху, с косматой головой,
С салфеткой, с книгой под рукой.
«Меня врасплох, — она сказала, —
В обед нарочно смерть застала,
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнава отведать
Вина и адских пирогов:
Теперь же час, друзья, обедать.
Я — вам знакомый, я — Крылов!»*
«Крылов, Крылов», — в одно вскричало
Собранье шумное духов,
И эхо глухо повторяло
Под сводом адским: «Здесь Крылов!»
«Садись сюда, приятель милый!
Здоров ли ты?» — «И так и сяк».
— «Ну, что ж ты делал?» — «Всё пустяк —
Тянул тихонько век унылый,
Пил, сладко ел, а боле спал.

* Крылов познакомился с духами через «Почту».

Ну, вот, Минос, мои творенья,
С собой я очень мало взял:
Комедии, стихотворенья
Да басни, — всё купай, купай!»
О, чудо! — всплыли все, и вскоре
Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай.
Еще продлилось сновиденье,
Но ваше длится ли терпенье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно —
Другого и обидеть можно.
А Боже упаси того!

1809

24. <О БЕНИТЦКОМ>

Пусть мигом догорит
Его блестящая лампада;
В последний час его бессмертье озарит:
Бессмертье — пылких душ надежда и награда!

Конец октября 1809

25. ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ III

Из III книги

Напрасно осыпал я жертвенник цветами,
Напрасно фимиам курил пред алтарями;
Напрасно: Делии еще с Тибуллом нет.
Бессмертны! Слышали вы скромный мой обет!
Молил ли вас когда о почестях и злате?
Желал ли обитать во мраморной палате?
К чему мне пажитей обширная земля,
Златыми класами венчанное поля
И стадо кобылиц, рабами охраненно?
О бедности молил, с тобою разделенной!
Молил, чтоб смерть меня застала при тебе,
Хоть нища, но с тобой!.. К чему желать себе
Богатства Азии или волов дебелих?
Ужели более мы дней сочтем веселых
В садах и в храминах, где дивный ряд столбов
Иссечен хитростью наемных пришлецов;
Где всё один порфир Тенера и Кариста,

Помосты мраморны и урны злата чисты;
Луга пространные, где силою трудов
Легла священна тень от кедровых лесов?
К чему эритрские жемчужины бесценны
И руны тирские, багрянцем напоенны?
В богатстве ль счастье? В нем призрак, тщетный вид!
Мудрец от лар своих за золотом не бежит,
Колен пред случаем вовек не преклоняет,
И в хижине своей с фортуной обитает!
И бедность, Делия, мне радостна с тобой!
Тот кров соломенный Тибуллу золотой,
Под коим, сопряжен любовью с тобою,
Стократ благословлен!.. Но если предо мною
Бессмертные весов судьбы не преклонят,
Утешит ли тогда сей Рим, сей пышный град?
Ах! нет! И золото блестящего Пактола,
И громкой славы шум, и самый блеск престола
Без Делии ничто, а с ней и куща — храм,
Безвестность, нищета завидны небесам!
О дочь Сатурнова! услышь мое моление!
И ты, любви мать! Когда же парк сужденье,
Когда суровых сестр противно вретено
И Делией владеть Тибуллу не дано, —
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Где блата топкие и воды Ахерона
Широкой цепию вокруг ада облежат,
Где беспробудным сном печальны тени спят.

Между сентябрем и декабрем 1809

26. ПОСЛАНИЕ ГРАФУ ВИЕЛЬГОРСКОМУ

О ты, владеющий гитарой трубадура,
Эраты голосом и прелестью Амура,
Вспомни, милый граф, счастливы времена,
Когда нас юношей увидела Двина!
Когда, отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать
И новый регламент и новые законы
В глазах прелестницы читать!
Заря весны моей, тебя как не бывало!
Но сердце в той стране с любовью отдыхало,
Где я узнал тебя, мой нежный трубадур!
Обетованный край! где ветренный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи образует
(Какими б и у нас гордилась красота!),
Вливает томный огонь и в очи, и в уста,

А в сердце юное любви прямое чувство.
Счастливые места, где нравиться искусство
Не нужно для мужей,
Сидящих с трубками вокруг угольных огней
За сыром выписным, за гамбургским журналом,
Меж тем как жены их, смеясь под опухалом,
«Люблю, люблю тебя!» — прищельцу говорят
И руку жмут ему коварными перстами!

О мой любезный друг! Отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней и с прежними бедами,
С любовью и войной!
Или, волшебник мой,
Одушеви мое музыкой песнопенье;
Вдохни огонь любви в холодные слова,
Еще отдай стихам потерянные права
И камни приводить в движение,
И горы, и леса!
Тогда я с сильфами взлечу на небеса
И тихо, как призрак, как луч от неба ясный,
Спущусь на берега пологие Двины
С твоей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебных струны,
Коснусь... и нимфы гор при лунном сиянии,
Как тени легкие, в прозрачном одеянии,
С сильванами сойдут услышать голос мой.
Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками,
И майский ветерок, проснувшись на цветах,
В прохладных рощах и садах,
Повеет тихими крылами;
С очей прелестных дев он светит тонкий сон,
Отгонит легки сновиденья
И тихим шепотом им скажет: «Это он!
Вы слышите его знакомы песнопенья!»

Конец декабря 1809

27. * * *

Пафоса бог, Эрот прекрасный
На розе бабочку поймал
И, улыбаясь, у несчастной
Златые крылья оборвал.
«К чему ты мучишь так, жестокий?» —
Спросил я мальчика сквозь слез.
«Даю красавицам уроки», —
Сказал — и в облаках исчез.

1809

28. ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вы, други, вы опять со мною
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совет.
Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить:
Ах, не долго веселиться
И не веки в счастье жить!

Но вы, о други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,
С нимфой резвой и живой!
Ах! обнимемся руками,
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем,
То воскреснем, то умрем!..

Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?

Я, любовью упоенный,
Вас забыл, мои друзья,
Как сквозь облак вижу темный
Чаши золотой края!..
Лиза розою пылает,
Грудь любовью полна,
Улыбаясь, наливает
Чашу светлого вина.

Мы потопим горесть нашу,
Други! в эту полну чашу,
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!

Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О радость! радость! Вакх веселый
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато гимн поет друзьям:
«Часы крылаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукой
Погубит радость и покой,
Луга веселые зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетают вечну тень прохлад, —
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Забвенный прах не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и всё умрет со мной!..

Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С золатыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Между началом 1806 и февралем 1810

29. ОТВЕТ ГНЕДИЧУ

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;

Он отслужил слепой богине,
Бесплодных матери сует.
Увы, мой друг! я в дни молодые
Цирцеям также отслужил,
В карманы заглянул пустые,
Покинул мирт и меч сложил.
Пускай, кто честолюбьем болен,
Бросает с Марсом огонь и гром;
Но я — безвестностью доволен
В Сабинском домике моем!
Там глиняны свои пенаты
Под сенью дружней съединим,
Поставим брашны небогаты,
А дни мечтой позолотим.
И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой...
Увы! твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой! —
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир!

Между концом июля 1809 и февралем 1810

30. ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ X
Из I книги
вольный перевод

Кто первый изострил железный меч и стрелы?
Жестокий! он изгнал в неизвестные пределы
Мир сладостный и в ад открыл обширный путь!
Но он виновен ли, что мы на ближних грудь
За золото, за прах железо устремляем,
А не чудовищей им диких поражаем?
Когда на пиршествах стоял сосуд святой
Из буковой коры меж утвари простой
И стол был отягчен избытком сельских брашен, —
Тогда не знали мы щитов и твердых башен,
И пастырь близ овец спокойно засыпал;
Тогда бы дни мои я радостями считал!
Тогда б не чувствовал невольню трепетанье
При глазе бранных труб! О, тщетное мечтанье!
Я с Марсом на войне: быть может, лук тугой
Натянут на меня пернатою стрелой...

О боги! сей удар вы мимо пронесите,
Вы, лары отчески, от гибели спасите!

О вы, хранившие меня в тени своей,
В беспечности златой от колыбельных дней,
Не постыдитесь, что лик богов священный,
Иссеченный из пня и пылью покровенный,
В жилище праотцев уединен стоит!
Не знали смертные ни злобы, ни обид,
Ни клятв нарушенных, ни почестей, ни злата,
Когда священный лик домашнего пената
Еще скудельный был на пепелище их!
Он благодатен нам, когда из чаш простых
Мы учиним пред ним обильны излишня
Иль на чело его, в знак мирного венчанья,
Возложим мы венки из миртов и лилей;
Он благодатен нам, сей мирный бог полей,
Когда на празднествах, в дни майские веселы,
С толпою чад своих, оратай престарелый
Опресноки ему священны принесет,
А девы красные из улья чистый мед.
Спасите ж вы меня, отеческие боги,
От копий, от мечей! Вам дар несу убогий:
Кошницу полную Церериных даров,
А в жертву — сей овен, краса моих лугов.
Я сам, увенчанный и в ризы облеченный,
Явлюсь наутрие пред ваш алтарь священный.
Пускай, скажу, в полях неистовый герой,
Обрызган кровию, выигрывает бой;
А мне — пусть благости сей буду я достоин —
О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и, сидя за столом,
Мне лагерь начертит веселых чаш вином.
Почто же вызывать нам смерть из царства тени,
Когда в подземный дом везде равны ступени?
Она, как тать в ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится, и всюду за тобой!
И низведет тебя в те мрачные вертепы,
Где лает адский пес, где фурии свирепы
И кормчий в челноке на Стиксовых водах.
Там теней бледный полк толпится на берегах,
Власы обожжены, и впалы их ланиты!..
Хвала, хвала тебе, оратай домовитый!
Твой вечерет век среди счастливой семьи;
Ты сам, в тени дубрав, пасешь стада свои;
Супруга между тем трапезу учреждает,
Для омовенья ног сосуды нагревает
С кристальною водой. О боги! если б я
Узрел еще мои родительски поля!
У светлого огня, с подругою младою,
Я б юность вспомнул за чашей круговую,
И были, и дела давно протекших дней!

Сын неба! светлый Мир! ты сам среди полей
Вола дебелого ярмом отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И в отческий сосуд, наследие сынов,
Лиешь багряный сок из Вакховых даров.
В дни мира острый плуг и заступ нам священны,
А меч, кровавый меч и шлемы оперенны
Снедает ржавчина безмолвно на стенах.
Оратай из лесу там едет на волах
С женою и с детьми, вином развеселенный!
Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Под пламенем ее воюем с красотой.
Ты плачешь, Ливия? Но победитель твой,
Смотри! — у ног твоих колена преклоняет.
Любовь коварная украдкой подступает,
И вот уж среди вас, размолвивших, сидит!
Пусть молния богов нещадно поразит
Того, кто красоту обидел на сраженьи!
Но счастлив, если мог в минутном исступленьи
Венок на волосах каштановых измять
И пояс невзначай у девы развязать!
Счастлив, трикрат счастлив, когда твои угрозы
Исторгли из очей любви бесценны слезы!
А ты, взлелеянный средь копий и мечей,
Беги, кровавый Марс от наших алтарей!

Между концом 1809 и мартом 1810

31. В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Н.

О ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза некогда цвела
Небесной красотою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Без песней, без похвал встречаешь день рожденья —
Прими от дружества сердечны сожаленья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Лыстецов бездушный рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов,
Судей безжалостных, докучливых нахалов.
Один был нежный друг... и он еще с тобой!

<1810>

32. ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежный!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
Слышен шум! — ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась — я смеялся.
«Нам ли введать, Хлоя, страх!
Гименей за всё ручался,
И амуры на часах.
Всё в безмолвии глубоком,
Всё почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном —
Молча новое свиданье
Обещала вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день, —
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце восходило
На восточное крыльцо:
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой.
Остальною ж половиной
поделюсь, мой друг, с тобой!

<1810>

33. НАДПИСЬ НА ГРОБЕ ПАСТУШКИ

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой,
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минуты радости вкусила:
Любовь в мечтах золотых мне счастье сулила:
Но что ж досталось мне в сих радостных местах? —
Могила!

<1810>

34. СЧАСТЛИВЕЦ

Слышишь! мчится колесница
Там по звонкой мостовой!
Правит сильная десница
Коней серебряной браздой!

Их копыта бьют о камень;
Искры сыплются струей;
Пышет дым, и черный пламень
Излетает из ноздрей!

Резьбой дивною и золотом
Колесница вся горит.
На ковре ее богатом
Кто ж, Лизета, кто сидит?

Временщик, вельмож любимец,
Что на откуп город взял...
Ах! давно ли он у крылец
Пыль смиренно обметал?

Вот он с нами поравнялся
И едва кивнул головой;
Вот уж молнией промчался,
Пыль оставя за собой!

Добрый путь! Пока лелеет
В колыбели счастье вас!
Поздно ль? рано ль? но приспееет
И невзгоды страшный час.

Ах, Лизета! лъзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?

Не ему счастливым зваться
С развращенною душой!

Там, где хитростью искусства
Розы в зиму расцвели;
Там, где всё пленяет чувства —
Дань морей и дань земли:

Мрамор дивный из Пароса
И кораллы на стенах;
Там, где в роскоши Пафоса
На узорчатых коврах

Счастья шаткого любимец
С нимфами забвенья пьет, —
Там же слезы сей счастливец
От людей украдкой льет.

Бледен, ночью Крез несчастный
Шепчет тихо, чтоб жена
Не вняла сей глас ужасный:
«Мне погибель суждена!»

Сердце наше — кладезь мрачный:
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!

Душ великих сладострастье,
Совесь! зоркий страж сердец!
Без тебя ничтожно счастье,
Гибель — злато и венец!

<1810>

35. НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

Из Петрарки*

Колонна гордая! о лавр вечнозеленый!
Ты пал! — и я навек лишен твоих прохлад!
Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
Ни в хладном Севере для сердца нет отрад!

Всё смерть похитила, всё алчная пожрала —
Сокровище души, покой и радость с ним!
А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
И мертвый нем лежит под камнем гробовым!

* Сонет «Rotta e l'alta colonna e l verde lauro»

Всё тщетно пред тобой — и власть, и волхованья...
Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
И слезы вечные на хладный камень лить!

Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье!
Я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье —
И всё с Лаурою в минуту потерял!

<1810>

36. ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою,
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,
Вкушает сладкий сон, взамену горьких слез!
А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною!

Когда светило дня потонет средь морей
И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою
И, медленной стопой идя под отчий кров,
Поет простую песнь в забвенье всех трудов;
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают.
Он счастлив — я один с безмолвною тоскою
Беседую один с задумчивой луной.

Лишь месяц сквозь туман багряный лик оставит
В недвижные моря, пастух поля оставит,
Простится с нивами, с дубравой и ручьем
И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,
И ты, рыбарь, спешись на брег уединенный!
Там, сети приклонив ко утлой ладие
(Вот всё от грозных бурь убежище твое!)
При блеске молнии, при шуме непогоды
Заснул... И счастлив ты, угрюмый сын природы!

Но се бледнеет там багряный небосклон,
И медленной стопой идут волны в загон
С холмов и пажитей, туманом орошенных.
О песнопений мать, в вертепах отдаленных,
В изгнании горестном утеха дней моих,
О лира, возбуди бряцаньем струн золотых
И холмы спящие, и кипарисны рощи,
Где я, печали сын, среди глубокой ночи,
Объятый трепетом, склонился на гранит...
И надо мною тень Лауры пролетит!

<1810>

37. * * *

Рыдайте, амуры и нежные грации,
У нимфы моей на личике нежном
Розы поблекли и вянут все прелести.
Венера всемогущая! Дочь Юпитера!
Услышь моленья и жертвы усердные:
Не погуби на тебя столь похожую!

<1810>

38. ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
Не умчалась стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где всё тает

Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

<1810>

39. МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЯ

Как сладко спать в прохладной тени,
Пока долину зной палит
И ветер чуть в древесной сени
Дыханьем листья шевелит!

Приблизьтесь, жены, и, руками
Сплетая дружно в легкий круг,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слух!

Воспойте песни мне девицы,
Плетущей сети для кошниц,
Или как, сидя у пшеницы,
Она пугает жадных птиц.

Как ваше пенье сердцу внятно,
Как негой утомляет дух!
Как, жены, издали приятно
Смотреть на ваш сплетенный круг!

Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь,
Да всюду, с чувствами согласны,
Являют негу и любовь!

Но ветер вечерний повеваает,
Уж светлый месяц над рекой,
И нас у кущи ожидает
Постель из листьев и покой.

<1810>

40. ЛЮБОВЬ В ЧЕЛНОКЕ

Месяц плавал над рекою,
Всё спокойно! Ветерок
вдруг повеял, и волною
Принесло ко мне челнок.

Мальчик в нем сидел прекрасный;
Тяжким правил он веслом.
«Ах, малютка мой несчастный!
Ты потонешь с челноком!»

— «Добрый путник, дай помогу;
Я не справлю, сидя в нем.
На — весло! и понемногу
Мы к ночлегу доплывем».

Жалко мне малютки стало;
Сел в челнок — и за весло!
Парус ветром надувало,
Нас стрелою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрых вод;
А на берег собирались
Стаей нимфы в хоровод.

Резвые смеялись, пели
И цветы кидали в нас;
Мы неслись, стрелой летели...
О беда! О страшный час!..

Я заслушался, забылся,
Ветер с моря заревел —
Мой челнок о мель разбился,
А малютка... улетел!

Кое-как на голый камень
Вышел, с горем пополам;
Я обмок — а в сердце пламень:
Из беды опять к бедам!

Всюду нимф ищу прекрасных,
Всюду в горести брожу,
Лишь в мечтаньях сладострастных
Тени милых нахожу.

Добрый путник! в час погоды
Не садися ты в челнок!

Знать, сии опасны воды;
Знать, малютка... страшный бог!

<1810>

41. ПРИВИДЕНИЕ

Из Парни

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет:
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! Ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет — и я забыт!
Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,
То внезапно, то тишком,
С воплем в твой являться дом.
Нет, по смерти невидимкой
Буду вокруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развеять
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.
Если лилия листьями
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенный
Развязался и упал, —
Улыбнися, друг бесценный,
Это я! — Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томный,

Арфы голосу подобный,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крылами
Сон глаза твои сомкнет,
Я невидимо с мечтами
Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о, блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
Розой девственну лилею.
Всё опять в моих глазах!
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но ах!
Мертвые не воскресают.

Февраль 1810

42. СТИХИ НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ, ТАНЦОВЩИЦЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА*

Вторую Душеньку или еще прекрасней,
Еще, еще опасней
Меж Терсихориных любимиц усмотрев,
Венера не могла сокрыть жестокий гнев:
С мольбою к паркам приступила
И нас Даниловой лишила.

Между 8 января и апрелем 1810, С.-Петербург

43. К ПЕТИНУ

О любимец бога брани,
Мой товарищ на войне!
Я платил с тобою дани
Богу славы не одне:
Ты на кивере почтенном
Лавры с миртом сочетал;

* Она представляла Психею в славном балете «Амур и Психея»

Я в углу уединенном
Незабудки собирал.
Помнишь ли, питомец славы,
Индесальми? Страшну ночь?
«Не люблю такой забавы», —
Молвил я, — и с музой прочь.
Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...
Ужин вам приготавливал.
Счастлив ты, шалун любезный,
И в Цитерской стороне;
Я же — всюду бесполезный,
И в любви, и на войне,
Время жизни в скуке трачу
(За крылатый счастья миг!)
Ночь зеваю... утром плачу
Об утрате снов моих.
Тщетны слезы! Мне готова
Цепь, сотканна из сует;
От родительского крова
Я опять на море бед.
Мой челнок Любовь слепая
Правит детскою рукой;
Между тем как Лень, зевая,
На корме сидит со мной.
Может быть, как быстра младость
Убежит от нас бегом,
Я возьмусь за ум... да радость
Уживется ли с умом?
Ах, почто же мне заране,
Друг любезный, унывать? —
Вся судьба моя в стакане!
Станем пить и воспевать:
«Счастлив! счастлив, кто цветами
Дни любви украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о счастье... мечтал!
Счастлив он, и втрое боле
Всех вельможей и царей!
Так давай в безвестной доле,
Чужды рабства и цепей,
Кое-как тянуть жизнь нашу,
Часто с горем пополам,
Наливать полнее чашу
И смеяться дуракам!»

Первая половина 1810

44. ИСТОЧНИК

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мертвый источник, след яростной бури,
С ревом и шумом бежит по полям!
Зафна! Приблизься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынный
С ревом и пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любви ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! Прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался,
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! — я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмись устами к устам!..
Будь же ты скромн, источник пустынный,
С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!.. Смотри... там, в водах,
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались — цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! — там голубь невинный
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любви — источник пустынный
С ревом и с шумом умчит по полям!

Первая половина 1810

45. ОТЪЕЗД

Ты хочешь, горсткой фимиама
Чтоб жертвенник я твой почтил?
Для граций муза не упряма,
И я им лиру посвятил.

Я вижу, вокруг тебя толпятся
Вздохатели — шумливый рой!
Как пчелы на цветок стремятся
Иль легки бабочки весной.

И Марс высокий, в битвах смелый,
И Селадон плаксивый тут,
И юноша еще незрелый
Тебе сердечну дань несут.

Один — я видел — всё вздыхает,
Другой как мраморный стоит,
Болтун сорокой не болтает,
Нахал краснеет и молчит.

Труды затейливой Арахны,
Сотканые в углу тайком,
Не столь для мух игривых страшны,
Как твой для нас волшебный дом.

Но я один, прелестна Хлоя,
Платить сей дани не хочу
И, осторожности удвоя,
На тройке в Питер улечу.

Первая половина 1810(?)

46. РАДОСТЬ

Любимца Кипридина
И миртом, и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
Толпами собирайтесь,
Руками сплетайтесь
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мне лиру тиискую

Камены и грации
Вручили с улыбкою:
И песни веселию,
Приятнее нектара
И слаще амвросии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,
Польются из струн ее!
Сегодня — день радости:
Филлида суровая
Сквозь слезы стыдливости
«Люблю!» мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченную
Бесценными каплями,
Румяней становится, —
Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости
Краснея, промолвила
«Люблю!» тихим шепотом.
Всё мне улыбнулося;
Тоска и мучения,
И страхи и горести
Исчезли — как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Цитерскими птицами
К Цитере иль Пафосу
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Всё мне улыбнулося! —
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И холмы парнасские!
Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом, и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!

Около 1810 (?)

47. СОН ВОИНОВ
Из поэмы «Иснель и Аснега»

Битва кончилась, ратники пируют вокруг зажженных дубов...

...Но вскоре пламень потухает,
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
Лежащих воев средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожит краткий их покой:
Иный лесов проходит мраки,
Зверей голодных слышит вой;
Иный на лодке легкой реет
Среди кипящих в море волн;
Веслом десница не владеет,
И гибнет в бездне бранный челн;
Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край!
Уж слышит псов домашних лай
И зрит отцов поля и дома
И нежных чад своих... Мечты!
Проснулся в бездне темноты!
Иный чудовище сражает —
Бесплодно меч его сверкает;
Махнул еще, его рука,
Подъята вверх... окостенела;
Бежать хотел — его нога
Дрожит, недвижима, замлела;
Встает — и пал! Иный плывет
Поверх прозрачных тихих вод
И пенит волны под рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пенится горой
И вдруг обрушилась, клокочет;
Несчастный борется с рекой,
Воззвать к дружине верной хочет, —
И голос замер на устах!
Другой бежит на поле ратном,
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикат сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч!
Звеня, упали латы с плеч...
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой;
Несчастный раны зажимает

Холодной, трепетной рукой!
Проснулся он... и тщетно ищет
И ран, и вражьего копья.
Но ветер шумит и в роще свищет;
И волны мутного ручья
Подожвы скал угрюмых роют,
Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...

Между 1808 и февралем 1811

48. СКАЛЬД

«Воспой нам песнь любви и брани,
О скальд, свидетель древних лет,
Твой меч тяжел для слабой длани,
Но глас века переживет!»
— «Отцов великих славны чада! —
Егил героям отвечал, —
Священных скальдов песнь — награда
Тому, кто в битвах славно пал:
И щит его, и метки стрелы —
Они спасут от алчной Гелы.
Ах, мне ли петь? Мой глас исчез,
Как бури усыпленный ропот,
Который, чуть колебля лес,
Несет в долины томный шепот.
Но славны подвиги отцов
Живут в моем воспоминаньи;
При тусклом зарева мерцаньи
Прострите взор на ряд холмов,
На ветхи стены и могилы,
Покры<ты> мхом, — там ветер унылый
С усопших прахом говорит;
Там меч, копье и звонкий щит
Покрыты пылью и забвенны...
Остатки храброго священны!
Я их принес на гроб друзей,
На гроб Аскара и Елои!..
А вы, о юноши-герои,
Внемлите повести моей».

Между 1809 и 1811

49. НА СМЕРТЬ СУПРУГИ Ф. Ф. КОКОШКИНА

Nell'eta sua piu bella e piu fiorita...
... E viva, e bella al ciel satita.

Petrarca*

Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!
Всё осиротело!
Плачь, любовь и дружба, плачь, Гимен унылый!
Счастье улетело!

Дружба! ты всечасно радости цветами
Жизнь ее дарила;
Ты свою богиню с воплем и слезами
В землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы
Насади вокруг урны!
Пусть приносит юность в дар чистейший слезы
И цветы лазурны!

Всё вокруг уныло! Чуть зефир весенний
Памятник лобзает;
Здесь, в жилище плача, тихий смерти гений
Розу обрывает.

Здесь Гимен, прикован, бледный и безгласный,
Вечною тоскою,
Гасит у гробницы свой светильник ясный
Трепетной рукою!

Апрель или май 1811

50. <Н. И. ГНЕДИЧУ>

Сей старец, что всегда летает,
Всегда приходит, отъезжает,
Везде живет — и здесь и там,
С собою водит дни и веки,
Съедает горы, сушит реки
И нову жизнь дает мирам,
Сей старец, смертных злое бремя,
Желанный всеми, страшный всем,
Крылатый, легкий, словом — время,
Да будет в дружестве твоём
Всегда порукой неизменной
И, пробегая глупый свет,

* В самом прекрасном, самом цветущем возрасте... Живая, прекрасная взошла на небо. Петрарка (итал.). — Ред.

На дружбы жертвенник священный
Любовь и счастье занесет!

5 декабря 1811

51. <ОТРЫВОК ИЗ XXXIV ПЕСНИ
«НЕИСТОВОГО ОРЛАНДА»>

Увы, мы носим все дурачества оковы,
И все терять готовы
Рассудок, бранный дар небесного отца!
Тот губит ум в любви, сведь неги и забавы,
Тот, рыская в полях за дымом ратной славы,
Тот, ползая в пыли пред сильным богачом,
Тот, по морю летя за тирским багрецом,
Тот, золота искав в алхимии чудесной,
Тот, плавая умом во области небесной,
Тот с кистью в руках, тот с млатом иль с резцом.
Астрономы в звездах, софисты за словами,
А жалкие певцы за жалкими стихами:
Дурачься, смертных род, в луне рассудок твой!

Декабрь 1811

52. ФИЛОМЕЛА И ПРОГНА*
Из Лафонтена

Когда-то Прогна залетела
От башен городских, обители своей,
В леса пустынные, где пела
Сиротка Филомела,
И так сказала ей
Болтливая певица:
«Здорово, душенька-сестрица!
Ни видом не видать тебя уж много лет!
Зачем забыла свет?
Зачем наш край не посещала?
Где пела, где жила? Куда и с кем летала?
Пора, пора и к нам
Залетом по веснам;
Здесь скучно: все леса унылы,
И колоколен нет».
— «Ах, мне леса и милы!» —

* Филомела и Прогна — дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбился в Филомелу, заключил её в замок, во Фракии находящийся, обесчестил и отрезал язык. Боги, сжалившись над участью несчастных сестёр, превратили Филомелу в соловья, а Прогну в ласточку.

Печальный был ответ.
«Кому ж ты здесь поешь, — касатка возразила, —
В такой дали от жила,
От ласточек и от людей?
Кто слушает тебя? Стада глухих зверей
Иль хищных птиц собрание?
Сестра! грешно терять небесно дарованье
В безлюдной стороне.
Признаться... здесь и страшно мне!
Смотри: песчаный бор, река, пустынные виды,
Гора, висяща над горой,
Как словно в Фракии глухой,
На мысль приводят нам Тереевы обиды.
И где же тут покой?»
— «Затем-то и живу среди скучного изгнания,
Боясь воспоминанья,
Лютейшего сто раз:
Людей боюсь у вас», —
Вздыхнув, сказала Филомела,
Потом: «Прости, прости!» — взвилась и улетела
Из ласточкиных глаз.

1811, Череповец

53. ДРУЖЕСТВО

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
Кто любит и любим чувствительной душой!
Тезей на берегах Коцита не страдает, —
С ним друг его души, с ним верный Пирифой.
Атридов сын в цепях, но зависти достоин!
С ним друг его Пилад... под лезвием мечей.
А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
Бессмертный образец героев и друзей!
Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
И, друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
Счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!

1811 или начало 1812

54. ХОР ДЛЯ ВЫПУСКА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ СМОЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ

Один голос

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!

Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечный.

Хор

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!

Подруги! сердце в первый раз
Здесь чувства сладкие познало;
Здесь дружество навек златою цепью нас,
Подруги милые, связало...
Так! сердце наше в первый раз
Здесь чувства сладкие познало.

Виновница счастливых дней!
Прими сердец благодаренья:
К тебе летят сердца усердные детей
И тайные благословенья.
Виновница счастливых дней!
Прими сердец благодаренья!

Наш царь, подруги, посещал
Сие жилище безмятежно:
Он сам в глазах детей признательность читал
К его родительнице нежной.
Монарх великий посещал
Жилище наше безмятежно!

Простой, усердный глас детей
Прими, о Боже, покровитель!
Источник новый благ и радостей пролей
На мирную сию обитель.
И ты, о Боже, глас детей
Прими, Всесильный Покровитель!

Мы чтили здесь от юных лет
Закон Твой, благости зеркало;
Под сенью алтарей, Тобой хранимый цвет,
Здесь юность наша расцветала.
Мы чтили здесь от юных лет
Закон твой, благости зеркало.

Финал

Прости же ты, священный кров,
Обитель юности беспечной,
Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечный!
Где сердце в жизни первый раз

От чувств веселья трепетало
И дружество навек златою цепью нас,
Подруги милые, связало!

Январь или февраль 1812

55. МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Жуковскому и Вяземскому

Отеческие пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь пермесских дар!
О лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,

Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщется вовек дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой
Развратные счастливицы,
Придворные друзья
И бледны горделивицы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучишься
О воин, у меня,
Войди и обсушишься
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой
Что в жупел и в огни
Летал перед полками
Как вихорь на полях,
И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной;

Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечный!..»
Блажен в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И всё любовью дышет
Среди полей моих;
Всё с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейный
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны золотые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестный,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепую

Забыт я от пелен,
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто в мирной сени
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретает хоры муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз, и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.

Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона
И наслажденья храм,
То древню Русь и нравы
Владимира времен
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сильф прекрасный,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С эротами играя
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид,
И в радости взываю:
О музы! я пиит!

А вы, смиренной хаты
О лары и пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье

И негу, и покой!
Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вас, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелою мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горечь усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей своих венчай.
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы
Сует и шум, и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами

Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвеем косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель ночи
Ко прадедам снесут, —
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья,
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листьями повилик;
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливец молодых!

Вторая половина 1811
и первая половина 1812

56. К ЖУКОВСКОМУ

Прости, балладник мой,
Белёва мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
Наш давний покровитель!
Ты счастлив средь полей
И в хижине укромной.
Как юный соловей
В прохладе рощи темной
С любовью дни ведет

Гнезда не покидая,
Невидимый поет,
Невидимо пленяя
Веселых пастухов
И жителей пустынных, —
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных,
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимец счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносят вины
И портер выписной,
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог —
Весь Амальтеи рог,
Вовек неисто щимый,
На жирный мой обед!
А мне... покоя нет!
Смотри! неумолимый
Домашний Гиппократ,
Наперсник парки бледной,
Попов слуга усердный,
Чуме и смерти брат,
Проклявшись латынью
И практикой своей,
Поит меня полынью
И супом из костей;
Без дальнего старанья
До смерти запоит
И к вам писать посланья
Отправит за Коцит!
Всё в жизни изменило,
Что сердцу сладко льстило,
Всё, всё прошло, как сон:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлон!
Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец;
Дрожат мои колени,
Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;

Навек исчезла сила
И доблесть прежних лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает.
Вчера с улыбкой злою
Мне молвила она
(Как древле Громобою
Коварный Сатана):
«Усопший! мир с тобою!
Усопший, мир с тобою!» —
Ах! это ли одно
Мне роком суждено
За древни прегрешенья?..
Нет, новые мученья,
Достойные бесов!
Свои стихотворенья
Читает мне Свистов;
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез!
Поют и напевают
С ночи до бела дня;
Читают и читают,
И до смерти меня
Убийцы зачитают!

Июнь 1812

57. ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Ты прав! Поэт не лжец,
Красавиц воспевая.
Но часто наш певец,
В восторге утопая,
Рассудка строгий глас
Забудет для Армиды,
Для двух коварных глаз;
Под знаменем Киприды
Сей новый Дон-Кишот
Проводит век с мечтами:
С химерами живет,
Беседует с духами,
С задумчивой луной,
И мир смешит собой!
Для света равнодушен,
Для славы и честей,
Одной любви послушен,

Он дышит только ей.
Везде с своей мечтою,
В столице и в полях,
С поникшей головою,
С унынием в очах,
Как призрак бледный бродит;
Одно твердит, поет:
Любовь, любовь зовет...
И рифмы лишь находит!
Так! верно, Аполлон
Давно с любовью в ссоре,
И мститель Купидон
Судил поэтам горе.
Все нимфы строги к нам
За наши псалмопенья,
Как Дафна к богу пенья;
Мы лавр находим там
Иль кипарис печали,
Где счастья роз искали,
Цветущих не для нас.
Взгляните на Парнас:
Любовник строгой Лоры:
Там в горести погас;
Скалы и дики горы
Его лишь знали глас
На берегах Воклюзы.
Там Душеньки певец,
Любимец нежной музы
И пламенных сердец,
Любил, вздыхал всечасно,
Везде искал мечты,
Но лирой сладкогласной
Не тронул красоты.
Лесбосская певица,
Прекрасная в женах,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила в волнах...
И я — клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взапуски поем,
Клянуся Хлоей в том,
Что русские поэты
Давно б на берег Леты
Толпами перешли,
Когда б скалу Левкада
В болота Петрограда
Судьбы перенесли!

Первая половина 1812 (?)

58. РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой,
Уздечка браная порвится
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался, —
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья! изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелою на воде.

Между сентябрем 1812 и январем 1813 (?)

59. ПЕВЕЦ В БЕСЕДЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА

Певец

Друзья! все гости по домам!
От чтенья охмелели!
Конец и прозе, и стихам
До будущей недели!
Мы здесь одни!.. Что делать? Пить
Вино из полной чаши!
Давайте взапуски хвалить
Славянски оды наши.

Сотрудники

Мы здесь одни!.. Что делать? Пить (и проч).

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья! Почто покойных нет
Певцов среди «Беседы»!
Их вирши сгнили в кладовых
Иль съедены мышами,
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями.
Но дух отцов воскрес в сынах,
Мы все для славы дышим,
Давно здесь в прозе и стихах,
Как Тредьяковский, пишем.

Сотрудники

Но дух отцов воскрес в сынах (и проч.).

Певец

Чья тень парит под потолком
Над вашими главами?

За ней, пред ней... о страх! — кругом
Поэты со стихами!
Се Тредьяковский в парике
Засаленном, с кудрями,
С «Тилемахидою» в руке,
С Ролленем за плечами!
Почто на нас, о муж седой!
Вперил ты грозны очи?
Мы все клялись, клялись тобой
С утра до полуночи
Писать, как ты, тебе служить;
Мы все с рассудком в споре,
Для славы будем жить и пить,
Нам по колено море!
Напьемся пьяны музе в дань,
Так пили наши деды!
Рассудку — гибель, вкусу — брань,
Хвала — сынам «Беседы»!
Пусть Ломоносов был умен,
И нас еще умнее;
За пьянство стал бессмертен он,
А мы его пьянее.

Сотрудники

Для славы будем жить и пить.
Врагу беда и горе!
Почто рассудок нам щадить?
Нам по колено море.

Певец

Друзья! большой бокал отцов
За лавку Глазунова!
Там царство вечное стихов
Шихматова лихова.
Родного крова милый свет,
Знакомые подвалы,
Златые игры прежних лет —
Невинны мадригалы!
Что вашу прелесть заменит?
О лавка дорогая!
Какое сердце не дрожит
Тебя благословляя?

Сотрудники

Что вашу прелесть заменит (и проч.).

Певец

Там всё знакомо для певцов,
Там наши дети милы,
Кладбище мирное стихов,
Бумажные могилы,
Там царство тленья и мышей,
Там Николев почтенный,
И древний прах календарей,
И прах газет священный.
Да здравствует «Беседы» царь!
Цвети твоя держава!
Бумажный трон твой — наш алтарь,
Пред ним обет наш — слава!
Не изменим: мы от отцов
Прияли глупость с кровью;
Сумбур! здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью!
Наш каждый писарь — славянин,
Галиматьею дышит,
Бежит, предатель сих дружин,
И галлицизмы пишет!

Сотрудники

Наш каждый писарь — славянин (и проч.).

Певец

Тот наш, кто каждый день кадит
И нам молебны служит;
Пусть публика его бранит,
Но он о том не тужит!
За нас стоит гора горой,
В «Беседе» не зеваает.
Прямой сотрудник, брат прямой
И в брани помогает!
Хвала тебе, Славенофил,
О муж неукротимый!
Ты здесь рассудок победил
Рукой неутомимой.
О, сколь с наморщенным челом
В «Беседе» он прекрасен
И сколь он хладен пред столом
И критикам ужасен!
Упрямство в нем старинных лет,
Хвала седому деду!
Друзья! он, он родил на свет
Славянскую «Беседу»!

Сотрудники

Он нас, сироток, воскормил!

Потемкин

Меня читать он учит.

Жихарев

Моих он «Бардов» похвалил.

Шихматов

Меня в Пиндары крючит.

Певец

Хвала тебе, о дед седой!
Хвала и многи лета!
Ошую пусть сидит с тобой
Осьмое чудо света,
Твой сын, наперсник и клевет —
Шихматов безглагольный,
Как ты, славян краса и цвет,
Как ты, собой довольный!
Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб родитель!
Отец талантов, муж прямой,
Ежовой покровитель!
Телец, упитанный у нас,
О ты, болван болванов!
Хвала тебе, хвала сто раз,
Раздутый Карабанов!
Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистоцимый!
Стихи твои — наш барабан,
Для слуха нестерпимый;
Везде с стихами ты готов,
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчу в тыл врагов,
Стихами в уши свищешь;
Лишь за поэму — прочь идут,
За оду — засыпают,
Ты за посланье — все бегут
И уши затыкают.
Хвала, псаломщик наш, старик,
Захаров-предложитель!
Ревет он так, как волк иль бык,

Лугов пустынных житель;
Хвала тебе, протяжный Львов,
Ковач речений смелый!
И Палицын, гроза певцов,
В Поповке поседелый!
Хвала, наш пасмурный Гервей,
Обруганный Станевич,
И с польской музыкой своей,
Холуй Анастасевич!
Друзья, сей полный ковш пивной
За здравье Соколова!
Он, право, чтец у нас лихой
И создан для Хвостова.
В его устах стихи режут,
Как волны в уши плещут;
От грома их невольно тут
Все барыни трепещут;
Хвала, беседы сей дьячок,
Бездушный Политковский!
Жует, гнусит и вдруг тишок
Родит славянорусский.

.....

.....

Их груди каменной хвала!
Хвала скуле железной!

Сотрудники

.....

.....

Их груди каменной хвала!
Хвала скуле железной!
Но месть тому, кто нас бранит
И пишет эпиграммы,
Кто пишет так, как говорит,
Кого читают дамы.

Певец

Сей кубок мщенью! Други! в строй!
И мигом — перья в длани!
Сразить иль пасть — наш роковой
Обет в чернильной брани.
Вотще свои, о Карамзин,
Ты издал сочиненья:
Я, я на Пинде властелин
И жажду лишь отмщенья!
Нет логики у нас в домах,

Грамматик не бывало;
Мы пролог в руки — гибни, враг,
С твоей дружиной вялой!
Отведай, дерзкий, что сильней —
Рассудок или мщенье;
Пришлец! мы в родине своей,
За глупых — провиденье!
Друзья! прощанью сей стакан,
Уж свечи погасили,
Пробили зорю в барабан,
К заутрени звонили;
Пора домой, пора ко сну;
От хмеля я шатаюсь.

Хвостов

Дай, басню я прочту одну
И после распрощаюсь.

Все

Ах! нет, друзья, домой, домой!
Чу... петухи пропели.
Прощай, Шишков, наш дед седой,
Прощай, мы охмелели —
И ты нас в путь благослови.
А вы, друзья, — лобзанья!
В завет — и новья любви,
И нового свиданья.

первая половина марта 1813

60. К ДАШКОВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах изданных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом

Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотолле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

март 1813

61. ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК
ЧЕРЕЗ НЕМАН 1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА
(Отрывок из большого стихотворения)

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод и берег опустелый
И на берегу покинутые села
Туманный месяц озарял.
Всё пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.

И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони:
Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана — и копыя водрузили.
Из снега возросли бесчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
Всё небо заревом багровым обложили.
И в стане царь молодой
Сидел между вождями,
И старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

1813(?)

62. <ОТРЫВОК ИЗ ШИЛЛЕРОВОЙ ТРАГЕДИИ
«DIE BRAUT VON MESSINA»
(МЕССИНСКАЯ НЕВЕСТА)>

Донна Изабелла, дон Эммануил и дон Цезарь (ее дети)

Д. Изабелла
(выступая с сынами)

Приникни с горней высоты,
Заступница печальных смертных,
И сердце удержи мое
В границах должного смиренья!
Я мать: в радости могу,
Взирая на сынов, забыться

И жертвой гордости упасть.
Ах, в первый жизни раз
Их совокупно обнимаю;
До сей минуты вожделенной
Таила в сердце глубоко
Горячность верную к сынам,
Равно для матери бесценным!
В объятьях одного другой
Мне должен был казаться мертвым;
Два сына мне дала судьба,
Но сердце, их любить, одно...
Ах, дети, молвите: могу ли:
Вас обоих равно обнять
В восторгах радости безмерной?

(к д. Эммануилу)

Не раню ль ревность я твою,
Сжимая Цезареву руку?

(к д. Цезарю)

Скажи, обидели ль тебя
Любви моей ко брату знаки?
Я трепещу: моя любовь
В вас злобы пламень раздувает!
Чего мне ждать? Вещайте, дети!
С какою мыслию стеклись?
Иль древняя вражда воспрянет,
Непримиримая и здесь,
В доме родителей священном?
Или за прагом меч и нож,
И гнев, скрежещущий зубами,
Вас ожидают, несчастливцы?
Что шаг от матери, то смерть,
Что шаг, то новы преступленья!

Хор

Мир или злоба? Жребий не вынут;
Скрыто глубоко, что будет, от нас:
Меч иль оливу братья отринут —
Мы не трепещем и станем за вас!

Д. Изабелла

Какие злобны восклицанья!
Что мужи бранные хотят?
Или войну готовят здесь
У алтарей гостеприимных?

К чему мечи, когда с любовью
Здесь мать обняла детей?
Или в объятиях ее
Страшитесь адския измены
И змий-предателей?.. Враги —
Так, не друзья — толпы наемных,
Слепые слуги мести вашей,
Раздор несущи по следам!
Нет, не друзья, не верьте им:
Не молвят доброго совета!
Одна боязнь и вечный страх
Куют им раболепны руки,
Всегда готовые на зло.
Вы научитесь, дети, знать
Сей род и низкий, и строптивый:
Он кровожадный власти червь,
Он силы тайный поядатель!
О дети, сколь опасен мир:
Он полон лести и лукавства.
Какие узы прочны здесь?
Где постоянны человеки,
Поклонники корысти брэнной?
Природа лишь одна верна
На якоре своем нетленном,
И счастлив тот, кому дает
Сопутником в сей жизни брата!

Хор

Други, вещала вам правду она!
Ей вся открыта сердец глубина,
Мы же, как снасти лишённые челны,
Летим на погибель в житейские волны!

Д. Изабелла
(к д. Цезарю)

О ты, прижавший меч во длани,
Склонивший ниц ревнивый взор,
Воззри окрест и будь судья:
Кто брату красотой подобен?

(к д. Эммануилу)

Ответствуй мне: из сей толпы
Кто Цезаря затмит красою?
Вы оба, юноши, равно
Наделены рукой природы.
Молю, воззрите на себя,
Уверьтесь в истине очами!

Из тысячи твоя рука
Его, как друга бы, прижала
И братом сердце нарекло!
О, ослепление страстей,
Плод ревности и злости адской!
Когда судьбина в колыбели
Друг другом наделила вас,
Забыв родства и крови узы
В кипящих, как вулкан, страстях,
К ногам повергнув дар природы,
Клеветов нарекли друзьями,
Врагам любовью поклялись!

Д. Эммануил

О, выслушай меня!

Д. Цезарь
(вступая в речь)

Дай слово
Мне молвить, мать..

Д. Изабелла

Нет!

Слова неукротят вражды:
Здесь месть с обидою взаимны,
Здесь ненависть таится глубоко.
Кто знает, где огонь сей адский,
Объявший пламенем сердца,
Огонь ужасный, сокровенный,
Одетый лавой древних дней?
Обида с юной жизни здесь
Растет, мужает беспрестанно,
И муж за юношу — нам враг!
Увы, от младости безумной
Вы, братья, дышите на зло!
Лета должны б обезоружить
Враждующих. Воззрите вспять:
Где ненависти первой семя?
Среди гремушек, детских игр
И лепетания младенцев,
Там зла виновное начало,
Там горести источник вечный!
Но устыдитесь, вы — мужи!

(Берет обоих за руки)

Желанный мною час настал!
Сойдитесь, милые! Решитесь

Вины взаимные забыть!
В душе великой, благородной
Прощенье выше всех побед.
В могилу древнего отца
Повергните вражды ехидну,
Готовую извести безумных;
Любви и миру дайте жизнь
И обновитесь сердцами!

(Отступает шаг назад, как будто желая дать место
братьям приблизиться взаимно; но они оба неподвижны,
взоры их устремлены в землю)

Хор

Братья, почитите матери волю!
Слово святое вам зарекла:
Кончить годину мести и зла.
Братья, иль снова к ратному полю?
Слепо мы делим ваши судьбы:
Вы — властелины, мы же — рабы.

Д. Изабелла

(в молчании, несколько минут напрасно ожидая
примирения братьев, говорит с чувством глубокой
горести)

Довольно! силу слов
И заклинаний истощила!
В могиле тот, кто мог владеть
Строптивыми сынов сердцами.
Что я? Увы, печальная вдова!
Мой глас — бессильный глас молитвы!
Довольно! Полная свобода:
Отдайтесь демону вражды
На гнев, на новые обиды!
Чего стыдиться вам! Жены,
Сих стен, сих алтарей безмолвных?
Под сенью их, где ваши колыбели
На радость некогда стояли,
Братоубийством осквернитесь,
Облейте кровию своей
И грудь на грудь, в неистовом пылу,
Как Полиник, как Этеокл проклятый,
Друг друга задушите вы
В объятиях, достойных ада..*

* Здесь нескольких стихов недостаёт. — Прим. П.А.Вяземского.

Хор

О, ужас, что мать вам здесь зарекла!
Годину печали, тревоги и зла,
А в жизни грядущей и скрежет, и муки!
Да будут же чисты от гибели руки,
Да с миром вас примет родительский дом!
Смиритесь, о братья, есть на небе гром!

Д. Цезарь
(не смотря на брата)

Ты — старший брат, начни же речь,
Я отвечать тебе готов!

Д. Эммануил
(в подобном положении)

Сам молви ласковое слово,
Ты — младший, дай любви пример!

Д. Цезарь

Не потому, что я виновен
Иль брата старшего слабей?

Д. Эммануил

Всем доблесть рыцаря известна:
Ты скромн, следственно, не слаб.

Д. Цезарь

Или так мыслишь ты о брате
Воистину?

Д. Эммануил

Не знаю лжи;
Как ты, душою выше чванства.

Д. Цезарь

Презренья не могу снести;
Но ты в пылу жестокой распри
О брате низко не вещал!

Д. Эммануил

Моей ты смерти не алкал.
Я знаю: ты казнил монаха,
Что мне готовил тайно яд.

Д. Цезарь

О, если б брата прежде знал!
Что было... верно б не случилось!

Д. Эммануил

Не зная сердца твоего,
Я матерью горестно обидел.

Д. Цезарь

Ты мне жестоким был описан.

Д. Эммануил

Несчастье: князей клеветы
Владеют тайно их душой!

Д. Цезарь
(быстро)

Всему виновники они...

Д. Эммануил

Два сердца разлучивши злобой...

Д. Цезарь

Наветом, хитрой клеветой...

Д. Эммануил

И ядом лести и коварства...

Д. Цезарь

Питая яростную рану...

Д. Эммануил

Нас сделали рабами их...

Д. Цезарь

Игралищем страстей чужих.

Д. Эммануил

Так, правда! чуждый друг неверен!

Д. Цезарь

Опасный: мать нам вещала.

Д. Эммануил

Так дай же руку, милый брат!

Д. Цезарь

Она твоя навеки, брат!

Д. Эммануил

Чем боле на тебя смотрю,
Тем боле, с сладким удивленьем,
Сретаю матери черты...

Д. Цезарь

Вглядись, как сходен ты со мной:
Бесценное для брата сходство!

Д. Эммануил

Ты ль это, брат? Твои ли речи
И ласки к младшему, скажи?

Д. Цезарь

Ты ль это, юноша прелестный,
Столь злобный некогда мне враг?

Д. Эммануил

Как права, требуя коней
Из славного отца наследства,
Ты рыцаря прислал за ними,
И я дал рыцарю отказ.

Д. Цезарь

Они твои, не мыслю боле...

Д. Эммануил

Нет! нет! твои — и колесница...
Прими как брата первый дар!

Д. Цезарь

Приму, но ты сей твердый замок,
Воздвигнутый над морем шумным,
Вражды источник обоюдный,
Прими как дань любви моей!

Д. Эммануил

Я не приму, но вместе там
Как братья станем жить отныне!

Д. Цезарь

Ты прав, к чему добром делиться,
Когда два сердца заодно?

Д. Эммануил

Союзом будем мы сильнее;
Против врагов, против судьбины
Нам дружба неизменный щит!

Д. Цезарь

Отныне мой ты стал навеки!

Хор

Но что мы, клеветы, стоим в неприязни?
Примеры благие дают нам князья:
Сомкнем же десницы без низкой боязни
И будем отныне навеки друзья!

1813(?)

63. ЭЛЕГИЯ ИЗ ТИБУЛЛА
вольный перевод

Мессала! Без меня ты мчишься по волнам
С орлами римскими к восточным берегам;
А я, в Феакии оставленный друзьями,
Их заклинаю всем, и дружбой, и богами,
Тибуллa не забыть в далекой стороне!
Здесь Парка бледная конец готовит мне,
Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою...
Неумолимая! Нет матери со мною!
Кто будет принимать мой пепел от костра?
Кто будет без тебя, о милая сестра,
За гробом следовать в одежде погребальной
И миро изливать над урною печальной?
Нет друга моего, нет Делии со мной, —
Она и в самый час разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала —
И жребий счастливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал,
И снова Делия, печальна и уныла,
Слезами полный взор невольню обратила
На дальний путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься» — Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» — и еще с невольным трепетаньем
Печальную лобзал последним лобызаньем.
Казалось, некий бог меня останавливал:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов Сатурну посвященный,
Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умеете любить,
Страшитесь любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья
И волхованье жриц, и меди звучный стон?
К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон
И очищения священной водою?
Всё тщетно, милая, Тибуллa нет с тобою.
Богиня грозная! Спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,
Украсит дивный храм весенними цветами
И с распущенными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды, и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышит глас ее и жриц фарийских хоры.
Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья,

Отдай мне Делию: и вам дары богаты
Я жертву принесу, о лавры и пенаты!
Зачем мы не живем в златые времена?
Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях,
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным
С сидонским багрецом и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей,
И кущи сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарною слезою;
В сосуды молоко обильною струею
Лилося из сосцов питающих овец... —
О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не исковал мечей,
И ратник не гремел оружием среди полей.
О век Юпитеров! О времена несчастны!
Война, везде война, и глад, и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...
Но ты, державший гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен.
Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И если мой конец безвременный настал, —
Пусть камень обо мне прохожим возвещает:
«Тибулл, Мессалы друг, здесь с миром почивает».
Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий приведешь таинственной стезей
Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветает нарד и киннамона лозы,
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум биющих вод;
Там девы юные, сплетая в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,
Тот носит на челе из свежих мирт венки.
А там, внутри земли, во пропасть ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,

Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная и Тизифона там
С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий берег за бледными тенями.
Где скрыться? Адский пес лежит у медных врат,
Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкелад и Тифий преогромный
Питает жадных птиц утробой своей.
Там хищный Иксион, окованный змией,
На быстром колесе вертится бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечный
Над холодной рекой сгорает и дрожит...
Всё тщетно! вспять вода коварная бежит,
И черпают ее напрасно Данаиды,
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милый и бесценный,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,
С наперсницей любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясный
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
Забудишься, мой друг, и томные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени,
В прелестной нагоде явись моим очам:
Власы развеяны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнажены...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях, в блистаньи принесет
И Делию Тибулл в восторге обоймет?

<1814>

64. ПЛЕННЫЙ

В местах, где Рона протекает
По бархатным лугам,
Где мирт душистый расцветает,
Склонясь к ее водам,
Где на горах роскошно зреет
Янтарный виноград,

Златый лимон на солнце рдеет
И яворы шумят, —

В часы вечерния прохлады
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,
Добыча брани, русский пленный,
Придонских честь сынов,
С полей победы похищенный
Один — толпой врагов.

«Шуми, — он пел, — волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!
Я в праздности теряю время,
Душою в людстве сир;
Мне жизнь — не жизнь, без славы — бремя,
И пуст прекрасный мир!

Весна вокруг живит природу,
Яснеет солнца свет,
Всё славит счастье и свободу,
Но мне свободы нет!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мне вспоминай
На берегах родного Дона
Отчизны милый край!

Здесь прелесть — сельские девицы!
Их взор огнем горит
И сквозь потупленны ресницы
Мне радости сулит.
Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.

Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!

На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса
И под окном в часы вечерни;

Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
Тебя, соратник мой!

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей,
Вы, звезды севера, горите
Изгнаннику светлей!»

Так пел наш пленник одинокий
В виду лионских стен,
Где юноше судьбой жестокой
Назначен долгий плен.
Он пел — у ног сверкала Рона,
В ней месяц трепетал,
И на золотых верхах Лиона
Луч света догорал.

<1814>

65. <О ПАРИЖСКИХ ЖЕНЩИНАХ>

Пред ними истощает
Любовь златой колчан.
Всё в них обворажает:
Походка, легкий стан,
Полунагие руки
И полной неги взор,
И уст волшебны звуки,
И страстный разговор, —
Всё в них очарованье!
А ножка... милый друг,
Она — харит создание,
Кипридиных подруг.
Для ножки сей, о вечны боги,
Усейте розами дороги
Иль пухом лебедей!
Сам Фидий перед ней
В восторге утопает,
Поэт — на небесах,
И труженик в слезах
Молитву забывает!

25 апреля 1814

66. ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.

Propertius*

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем виляла Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум, и трепет парусов,
И кормчего на палубе зыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов, —
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли,
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное сомненье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?... предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал, — о воин вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой облик начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовью сжимает...»
И я летел к нему... Но горный дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,

* Души усопших — не призрак: смертью не всё оканчивается; бледная тень ускользает, победив костёр. *Проперций* (лат.). — Ред.

Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
И сон покинул очи.

Всё спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные катилися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

Июнь 1814

67. НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.
И всё в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает,
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.

Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.

Всё тихо: мертвый сон в обители глухой.
Но здесь живет воспоминанье:
И путник, опершись на камень гробовой,
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плющ по лестнице крутой,
И ветер колышет стебель иссохшая полыни,
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой, —

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседельй,
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,
Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой,

И громко восклицал, подняв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о Бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечем своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь при звуке новой брани,
Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли! —
Суда наутро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,
Герой, победою избранный!
Уж скальды пиршество готовят на холмах.
Зри: дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о юноша, слезами и мольбой
Богов на милость преклоняет...
Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;
О, вей, попутный ветер, вей тихими устами
В ветрила кораблей!

Суда у берегов, на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;
К нему спешит отец с невестою молодой
И лики скальдов вдохновенных.
Красавица стоит, безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает, —
Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.

Там пели звук мечей и свист пернатых стрел,
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песне сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Но всё покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Всё время в прах преобратило!
Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
Там ветер свищет лишь уныло!
Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
До утренних лучей.

Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх,
Земель полнощных исполины,
Роальда спутники, на бранных челноках
Протекши дальные пучины
Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы,
Возникшие в снегах, среди ужасов природы,
Средь копий, среди мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах
Не тщетно камни вопрошает
И руны тайные, преданья на скалах
Угрюмой древности, читает.
Оратай ближних сел, склонясь на посох свой,
Гласит ему: «Смотри, о сын иноплеменный,
Здесь тлеют праотцов останки драгоценны:
Почти их гроб святой!»

июнь или июль 1814

68. <ХОР ЖЕН ВОИНОВ
ИЗ «СЦЕН ЧЕТЫРЕХ ВОЗРАСТОВ»>

О верные подруги!
Свиданья близок час.
Спешат, спешат супруги
Обнять с любовью нас.
Уже, веселья полны,
Летят через сини волны...
Свиданья близок час!
По суше рьяны кони
Полки героев мчат.
Звенят золотые брони,
В руке блестит булат;
Шеломы их блистают,
Знамена развевают...
Свиданья близок час!

июль 1814

69. СУДЬБА ОДИССЕЯ

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давно желанных скал.
Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал.

вторая половина 1814

70. СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД

Объехав свет кругом,
Спокойный домосед, перед моим камином
Сижусь и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином;
Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился,

Всё видел, всё узнал — и что ж? из-за морей
    Ни лучше, ни умней
Под кров домашний воротился:
Поклонник суетным мечтам,
Он осужден искать... чего — не знает сам!
О страннике таком скажу я повесть вам.

Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили
В предместии Афин под кровлею одной;
В довольстве? — не скажу, но с бодрою душой
Встречали день и ночь спокойно проводили,
Затем что по трудам всегда приятен сон.
Вдруг умер дядя их, афинский Гарпагон,
И братья-бедняки — о радость! — получили
Не помню сколько мин монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
    Отделки мастерской.

Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:
«Как думаешь своей казной расположить? —
    Клит спрашивал у брата, —
    А я так дом хочу купить
И в нем тихохонько с женою век прожить
    Под сенью отчего пената.
Землицы уголок не будет лишний нам:
От детства я люблю ходить за виноградом,
    Водиться знаю с стадом
И детям я мой плуг в наследство передам;
А ты как думаешь?» — «О! я с тобой несходен;
    Я пресмыкаться не способен
    В толпе граждан простых,
    И с помощью наследства

Для дальних замыслов моих,
Благодаря богам, теперь имею средства!»
— «Чего же хочешь ты?» — «Я?.. славен быть хочу».
— «Но чем?» — «Как чем? — умом, делами,
    И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще? Я в Мемфис полечу
Делиться мудростью с жрецами:
Зачем сей создан мир? Кто правит им и как?
Где кончиться земля? Где гордый Нил родится?
Зачем под пеленой сокрыт Изиды зрак,
Зачем горящий Феб всё к западу стремится?
Какое счастье, милый брат!
Я буду в мудрости соперник Пифагора! —
В Афинах обо мне тогда заговорят.
В Афинах? — что сказал! — от Нила до Босфора
Прославиться твой брат, твой верный Филалет!
    Какое счастье! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;

Но красноречья дар, конечно, не забуду.
Ты знаешь, я всегда красноречив бывал
И площадь нашу посещал
Недаром.
Не стану я моим превозноситься даром,
Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
Или надутый Демосфен,
Кичася в пурпуре пред царскими послами.
Нет! нет! я каждого полезными речами
На площади градской намерен просвещать.
Ты сам, оставя плуг, придешь меня внимать.
С народом шумные восторги разделяя,
И, слезы радости под мантией скрывая,
Красноречивейшим из греков называть,
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... поверишь ли? Гликерия сама
На площади с толпою
Меня провозгласит оракулом ума,
Ума и, может быть, любезности... Конечно,
Любезностью сердечной
Я буду нравиться и в сорок лет еще.
Тогда афиняне забудут Демосфена
И Кратеса в плаще,
И бочку шута Диогена,
Которую, смотри... он катит мимо нас!»
— «Прощай же, братец, в добрый час!
Счастливого пути к премудрости желаю, —
Клит молвил краснобаю. —
Я вижу нам тебя ничем не удержать!»
Вздыхнул, пожал плечьми и к городу опять
Пошел — домашний быт и домик снаряжать.
А Филалет? — К Пирею,
Чтоб судно тирское застать
И в Мемфис полететь с румяною зарею.
Признаться, он вздохнул, начавши одиссею...
Но кто не пожалел об отческой земле,
Надолго расставаясь с нею?
Семь дней на корабле,
Зевая,
Проказник наш сидел
И на море глядел,
От скуки сам с собой вполголос рассуждая:
«Да где ж тритоны все? Где стаи nereид?
Где скрылися они с толпой океанид?
Я ни одной не вижу в море!»
И не увидел их. Но ветер свежий вскоре
В Египет странника принес;
Уже он в Мемфисе, в обители чудес;
Уже в святилище премудрости вступает,
Как мумия сидит среди бород седых

И десять дней зевает
 За поученьем их
 О жертвах каменной Изиде,
 Об Аписе-быке иль грозном Озириде,
 О псах Анубиса, о чесноке святом,
 Усердно славимом на Ниле,
 О кровожадном крокодиле
 И... о коте большом!..
 «Какие глупости! какое заблужденье!
 Клянусь Поллуксом! нет слушать боле сил!» —
 Грек молвил, потеряв и важность, и терпенье,
 С скамьи как бешенный вскочил
 И псу священному — о, ужас! — наступил
 На божескую лапу...
 Скорее в руки посох, шляпу,
 Скорей из Мемфиса бежать
 От гнева старцев разъяренных,
 От крокодилов, псов и луковиц священных,
 И между греков просвещенных
 Любезной мудрости искать.
 На первом корабле он полетел в Кротону.
 В Кротоне бьет челом смиренно Агатону,
 Мудрейшему из мудрецов,
 Жестокому врагу и мяса, и бобов
 (Их в гневе Пифагор, его учитель славный,
 Проклятьем страшным поразил,
 Затем что у него желудок неисправный
 Бобов и мяса не варил).
 «Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел учиться? —
 У грека старец спросил
 С усмешкой хитрою. — Итак, прошу садиться
 И слушать пенье сфер: ты слышишь?» — «Ничего!»
 — «А видишь ли в девятом мире
 Духов, летающих в эфире?»
 — «И менее того!»
 — «Увидишь, попостись ты года три, четыре,
 Да лет с десятков помолчи;
 Тогда, мой сын, тогда обнимешь бrenным взором
 Все тайной мудрости лучи;
 Обнимешь, я тебе клянуся Пифагором...»
 — «Согласен, так и быть!»
 Но греку шутка ли и день не говорить?
 А десять лет молчать, молчать да всё поститься —
 Зачем? чтоб мудрецом,
 С морщинным от поста и мудрости челом,
 В Афины возвратиться?
 О нет!
 Чрез сутки возопил голодный Филалет:
 «Юпитер дал мне ум с рассудком
 Не для того, чтоб я ходил с пустым желудком;

Я мудрости такой покорнейший слуга;
Прощайте ж навсегда Кротонски берега!»
Сказал и к Этне путь направил;
За делом! чтоб на ней узнать, зачем и как
    Изношенный башмак
Философ Эмпедокл пред смертью там оставил
    Узнал — и с вестью сей
    Он в Грецию скорей
С усталой от забот и праздности душою.
Повсюду гость среди людей,
Везде за трапезой чужою,
Наш странник обходил
Поля, селения и грады,
Но счастья не находил
Под небом счастливым Эллады.
Спеша из края в край, он игры посещал,
Забавы, зрелища, ристанья,
    И даже прорицанья
    Без веры вопрошал;
Но хижину отцов нередко вспоминал,
В ненастье по лесам бродя с своей клюкою,
Как червем, тайною съедаемый тоскою.
    Притом же кошелек
    У грека стал легок;
А ночью, как он шел через Лаконски горы,
    Отбили у него
    И остальное воры.
Счастлив еще, что жизнь не отняли его!
«Но жизнь без денег что? — мученье нестерпимо!» —
    Так думал Филалет,
Ташась полунагой в степи необозримой.
Три раза солнца свет
Сменялся мраком ночи,
Но странника не зрели очи
Ни жила, ни стезы: повсюду степь и степь
Да гор вдали туманной цепь,
Илотов и воров ужасные жилища.
Что делать в горе! что начать!
    Придется умирать
В пустыне, одному, без помощи, без пищи.
    «Нет, боги, нет! —
Терзая грудь, вопил несчастный Филалет, —
Я знаю, как покинуть свет!
Не стану голодом томиться!»
И меж кустов реку завидя вдалеке,
Он бросился к реке —
    Топиться!
«Что, что ты делаешь, слепец?» —
Несчастному вскричал скептический мудрец,
Памфил седобородый,

Который над водой, любуясь природой,
Один с клюкой тихонько брел
И, к счастью, странника нашел
На крае гибельной напасти.
«Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?
Рассудок: но его что нам вещает глас?
Что жизнь и смерть равны для нас.
Равны — так незачем топиться.
Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь может быть счастлив».
Кто жить советует — всегда красноречив:
И наш герой остался жив.
В расселинах скалы, висящей над водою,
В тени приветливой смоковниц и олив,
Построен был шалаш Памфиловой рукою,
Где старец десять лет
Провел в молчании глубоком
И в вечность проникал своим орлиным оком,
Забыв людей и свет.
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здоровый,
Находит Филалет:
Орехи, желуди и травы,
Большой сосуд воды — и только. Боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии* тотчас заговорил.
«Всё призрак — под конец хозяин заключили: —
Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастья и страсти,
И я, и ты, и целый свет, —
Всё призрак!» — «Сновиденье!» —
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: «Я голоден!» — «И это заблужденье,
Всё грубых чувств обман; не сомневайся в том».
Неделю попостясь с бродатым мудрецом,
Наш *призрак*-Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.
Пора, пора блеснуть на площади умом!
Пора с философом расстаться,
Который нас недаром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.
Услужливый Памфил
Монет с десятков сам бродяге предложил,
Котомкой с желудями сушеными ссудил

* Душевное спокойствие.

И в час румяного рассвета
Сам вывел по тропам излучистым Тайгета
На путь афинский Филалета.
Вот странник наш идет и день и ночь один;
    Проходит Арголиду,
    Коринф и Мегариду;
Вот — Аттика, и вот — дым сладостный Афин,
Керамик с рощами... предместья начало...
Там... воды Иллиса!.. В нем сердце задрожало:
Он грек, то мудрено ль, что родину любил,
Что землю целовал с горячими слезами,
В восторге, вне себя, с деревьями, с домами
    Заговорил!..
Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел наконец Адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!
Я сам... Но дело всё теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
    И ждет опять денницы
На милой площади аттической столицы.
    Заметьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотели,
С каким царем, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремели,
Предвестники народных бед.
Так речью их сразить желая, Филалет
Всех раньше на помост погибельный взмогился
И вот блеснул Авроры свет,
А с ним и шум дневной родился.
    Народ зашевелился.
В Афинах, как везде, час утра — час сует.
На площадь побежал ремесленник, поэт,
Поденщик, говорун, с товарами купчиха,
Софист, архонт и Фрина
С толпой невольниц и сирен,
И бочку прикатил насмешник Диоген;
На площадь всяк идет для дела и без дела;
Нахлынули, — вся площадь закипела.
Вы помните, бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою козак
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
Так точно весь народ толпился и жужжал
Перед ораторским амвоном.
Знак подан. Начинай! Рой шумный замолчал.
И ритор возвестил высокопарным тоном,
    Что Аттике война

Погибельна, вредна;
Потом велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть... опасно.
«Что ж делать?» — закричал с досадою народ.
«Что делать?.. — сомневаться.
Сомнение мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться —
И не мириться, и не драться!..»
Народ всегда нетерпелив.
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот,
А там... Но он стоит уже ни мертв, ни жив,
Разинув рот, потупив взгляды,
Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады.
Еще проходит миг —
«Ну что же? продолжай!» — Оратор всё ни слова:
От страха — где язык!
Зато какой в толпе поднялся страшный крик!
Какая туча там готова!
На кафедру летит град яблоков и фиг,
И камни уж свистят над жертвой...
И жалкий Филалет, избитый, полумертвый,
С ступени на ступень в отчаяньи летит
И падает без чувств под верную защиту
В объятия отверсты... к Клиту!
Итак, тщеславного спасает бедный Клит,
Простяк, неграмотный, презренный,
В Афинах дни влачить без славы осужденный!
Он, он, прижав его к груди.
Нахальных крикунов толкает на пути,
Одним грозит, у тех пощады просит
И брата своего, как старика Эней,
К порогу хижины своей
На раменах доносит.
Как брата в хижине лелеет добрый Клит!
Не сводит глаз с него, с ним сладко говорит
С простым, но сильным чувством.
Пред дружбой ничего и Гиппократ с искусством!
В три дни страдалец наш оправился и встал,
И брату кинулся на шею со слезами;
А брат гостей назвал
И жертву воскурил пред отчими богами.
Весь домик в суетах! Жена и рой детей
Веселых, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих,
На пиршество несут для радостных гостей
Простой, но щедрый дар наследственных полей,
Румяное вино, янтарный мед Гимета, —
И чаша поднялась за здоровье Филалета!
«Пей, ешь и веселись, нежданный сердца гость!» —

Все гости заодно с хозяином вскричали.
И что же? Филалет, забыв народа злость,
    Беды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорил
В восторге о тебе, великолепный Нил!
А дней через пяток, не боле,
Наскуча видеть всё одно и то же поле,
Всё те же лица всякий день,
Наш грек, — поверите ль? — как в клетке стосковался.
Он начал по лесам прогуливать уж лень,
На горы ближние взбирался,
Бродил всю ночь, весь день шатался;
Потом Афины стал тихонько посещать,
На милой площади опять
    Зевать,
С софистами о том, об этом толковать;
Потом... проведая он от старых грамотеев,
Что в мире есть страна,
Где вечно царствует весна,
За розами побрел — в снега гипербореев.
Напрасно Клит с женой ему кричали вслед
    С домашнего порога:
«Брат милый, воротись, мы просим, ради Бога!
Чего тебе искать в чужбине? новых бед?
Откройся, что тебе отечество немило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат, останься, Филалет!»
Напрасные слова — чужак не воротился —
Рукой махнул... и скрылся.

Между июнем 1814 и 10 января 1815

71. ПОСЛАНИЕ И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ

Ты прав, любимец муз! От первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу гений
И им в теченьи дней своих не изменит!
Кто б ни был: пламенный оратор иль пиит,
Светильник мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества немного подрожатель,
Наперсник муз, — познал от колыбельных дней,
Что должен быть жрецом парнасских алтарей.
Младенец счастливый, уже любимец Феба,
Он с жадностью взирал на свет лазурный неба,
На зелень, на цветы, на зыбку сень древес,
На воды быстрые и полный мрака лес.
Он, к лону матери приникнув, улыбался,

Когда веселый май цветами убирался
И жавронок вился над зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь свод лазоревый подернет облистаньем —
Ее приветствовал невнятным лепетаньем,
Ее манил к себе младенческой рукой.
Что видел в юности, пред хижиной родной,
Что видел, чувствовал, как новый мира житель,
Того в душе своей до поздних дней хранитель
Желает в песнях муз потомству передать.
Мы видим первых чувств волшебную печать
В твореньях гения, испытанных веками:
Из мест, где Мантуа красуется лугами,
И Минций в камышах недвижимый стоит,
От милых лар своих отторженный пиит,
В чертоги Августа судьбой перенесенный,
Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижине, где юность провождал
И Титира свирель потомству передал.
Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область пиерид?
Нет! Нет! И в Севере любимец их не дремлет,
Но гласу громкому самой природы внемлет,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихий враждебных бой,
Ревущие со скал угрюмых водопады,
Пустыни снежные, льдов вечные громады
Иль моря шумного необозримый вид —
Всё, всё возносит ум, всё сердцу говорит
Красноречивыми, но тайными словами
И огонь поэзии питает между нами.
Близ Колы пасмурной, средь диких рыбарей
В трудах воспитанный, уже от юных дней
Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный
Сей огонь зиждительный, дар Бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
Стремился по зыбям холодным океана
К необитаемым, бесплодным островам
И мрежи расстилал по новым берегам.
Я вижу мысленно, как отрок вдохновенный
Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
Среди мечтания и первых сладких дум,
Прислушивая волн однообразный шум...
Лицо горит его, грудь тягостно вздыхает,
И сладкая слеза ланиту орошает,
Слезка, известная таланту одному!

В красе божественной любимцу своему,
Природа! Ты не раз на Севере являлась
И в пламенной душе навеки начерталась.
Исполненный всегда виденьем первых лет,
Как часто воспевал восторженный поэт:
«Дрожащий, хладный блеск полунощной Авроры
И ледяные, в морях носимы ветром, горы,
И Уну, спящую средь звонких камышей,
И день, чудесный день, без ночи, без зарей!..»
В Пальмире Севера, в жилище шумной славы,
Державин камские воспоминал дубравы,
Отчизны сладкий дым и древний град отцов.
На тучны пажити приволжских берегов
Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец сибирского Пизарра вдохновенный!..
Так, свыше нежною душою одаренный,
Пиит, от юности до серебряных власов.
Лелеет в памяти страну своих отцов.
На жизненном пути ему дарует гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену счастья и скудных мира благ:
С ним муза тайная живет во всех местах
И в мире дивный мир любимцу созидает.
Пускай свирепый рок по воле им играет:
Пускай незнаемый, без злата и честей,
С главою поникшею он бродит средь людей;
Пускай фортуною от детства удостоен
Он будет судия, министр иль в поле воин, —
Но музам и себе нигде не изменит.
В самом молчании он будет всё пиит.
В самом бездействии он с деятельным духом,
Всё сильно чувствует, всё ловит взором, слухом,
Всем наслаждается, и всюду, наконец,
Готовит Фебу дань его грядущий жрец.

Между июлем 1814 и 24 мая 1815

72. МЩЕНИЕ

Из Парни

Неверный друг и вечно милый!
Зарю моих счастливых дней
И слезы радости и клятвы легкокрылы —
Всё время унесло с любовью твоей!

И всё погибло невозвратно,
Как сладкая мечта, как утром сон приятный!
Но всё любовью здесь исполнено моей
И клятвы страшные твои напоминает.
Их помнят и леса, их помнит и ручей,
И эхо томное их часто повторяет.
Взгляни: здесь в первый раз я встретился с тобой,
Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной,
Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ матери твоей.
Вот здесь я в первый раз вкусил надежды сладость;
Здесь жертвы приносил у мирных алтарей.
Когда твою грозила младость
Болезнь жестокая во цвете погубить,
Здесь клялся, милый друг, тебя не пережить!
Но с новой прелестью ты к жизни воскресала
И в первый раз «люблю», краснея, сказала
(Тому сей дикий бор немой свидетель был.)
Твоя рука в моей то млела, то пылала,
И первый поцелуй с душою душу слил.
Там взор потупленный назначил мне свиданье
В зеленом сумраке развесистых деревьев,
Где льется в воздухе сирен благоуханье
И облако цветов скрывает свод небес;
Там ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загремел над нами ярый гром;
Всё небо в пламени зарделось кругом,
И в роще сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была в объятиях моих,
И к новым радостям ты воскресала в них!
О пламенный восторг! О страсти упоенье!
О сладострастие... себя, всего забвенье!
С ее любовью утраченны навек!
Вы будете всегда изменнице упрек.
Воспоминанье ваше,
От времени еще прелестнее и краше,
Ее преступное блаженство помрачит
И сердцу за меня коварному отмстит
Неизлечимую, жестокою тоскою.
Так! всюду образ мой увидишь пред собою,
Не в виде прежнего любовника в цепях,
Который с нежностью сквозь слезы упрекает
И жребий с трепетом читает
В твоих потупленных очах.
Нет, в лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь как бледное в полночь привиденье,
И всюду следовать я буду за тобой:
В безмолвии лесов, в полях уединенных,
В веселых пиршествах, тобой одушевленных,

Где юность пылкая и взор считает твой.
В глазах соперника, на ложе Гименея —
Ты будешь с ужасом о клятвах вспоминать;
При имени моем, бледнея,
Невольно трепетать.
Когда ж безвременно с полей кровавой битвы,
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: «Будь счастлива» в последний жизни час, —
И тщетны будут все любовника молитвы!

<1815>

73. ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, —
Всё в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоз! и неги глас!

<1815>

74. ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Всё новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимый вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И гальционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приблизится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего:
И Делия не посетила
Пустынный памятник его.
Лишь пастырь в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

75. К ДРУЗЬЯМ

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым гением уверен,
Что в сем дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои в замену чувства —
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял...
И словом, весь журнал
Здесь дружество найдет беспечного поэта,
Найдет и молвит так:
«Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе; на Пинде был чудак;
Но дружбе он зато всегда остался верен;
Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!),
И жил так точно, как писал...
Ни хорошо, ни худо!»

Февраль 1815

76. МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся влася.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

Июль или август 1815

77. РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край и грозный океан
За мной роптал и волновался;
Напрасно от берегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободой прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священо,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

Июль или август 1815

78. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ГРАФА ЭММАНУИЛА СЕН-ПРИ

От родины его отторгнула судьбина;
Но лилиям отцов он всюду верен был:
И в нашем стане воскресил
Баярда древний дух и доблесть Дюгескина.

Декабрь 1815

79. ТАВРИДА

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда
Где волны кроткие Тавриду омывают,
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,

Равны несчастьем, любовью равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеной струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором деревьев, пустынных птиц и вод, —
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и мраки, —
О радость! Ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастья с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власа твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор, дивится и немеет.

Вторая половина 1815

80. НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпении камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,

И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатый неизменный?

Он! он! Его всё дар благой!
Он нам источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Всё дар Его, и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

1815

81. К ДРУГУ

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли,
Мы пили чашу сладострастья.

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой;
Но я узнал его; я сердца дань принес
На прах его красноречивый.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере, твой друг в тиши ночной
В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель алтарей
Богини неги и прохлады,
От пресыщения, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? Я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненьи чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:

Минуты странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем,
На крыльях радости летим к своим друзьям —
И что ж?.. их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
Всё счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи, и ланиты,
Чело открытое одной из важных муз
И прелесть девственной хариты.

Ты сам, забыв и свет, и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник среди песков,
Прелестным цветом любовался.

Цветок, увы! исчез, как сладкая мечта!
Она в страданиях почила
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда,
На друге взор остановила.

Но, дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило,
И тень чистейшую дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.

Так всё здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвьем отвечали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает, —

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились:
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.

Я с страхом спросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен:
Ногой надежно ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

1815

82. ПРОБУЖДЕНИЕ

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я — не к счастью пробужден
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,
Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей,
Ни быстрый лёт коня ретива
По скату бархатных лугов
И гончих лай и звон рогов
Вокруг пустынного залива —
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви — холодными словами.

Вторая половина 1815(?)

83. ЭЛЕГИЯ

Я чувствую, мой дар в поэзии погас,
И муза пламенный небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз.
Туда влечет меня осиротелый гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени,
Где счастья нет следов,
Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,

Любимцам Фебовым от юности известных,
Ни дружбы, ни любви, ни песней муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как лотос, силою волшебной врачевали.
Нет, нет! себя не узнаю
Под новым бременем печали!
Как странник, брошенный из недра ярых волн,
На берег дикий и кремнистый
Встает и с ужасом разбитый видит челн,
Валы ревущие и молнии змиисты,
Объяввшие кругом свинцовый небосклон;
Рукою трепетной он мраки вопрошает,
Ногой скользит над пропастями он,
И ветер буйный развеивает
Молений глас его, рыдания и стон... —
На крае гибели так я зову в спасенье
Тебя, последний сердца друг!
Опора сладкая, надежда, утешенье
Средь вечных скорбей и недуг!
Хранитель ангел мой, оставленный мне Богом!..
Твой образ я таил в душе моей залогом
Всего прекрасного... и благости Творца.
Я с именем твоим летел под знамя брани
Искать иль гибели, иль славного венца.
В минуты страшные чистейши сердца дани
Тебе я приносил на Марсовых полях:
И в мире, и в войне, во всех земных краях
Твой образ следовал с любовью за мною;
С печальным странником он неразлучен стал.
Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи гордится над рекою,
И Сейна по цветам льет серебряный кристалл,
Как часто средь толпы и шумной, и беспечной,
В столице роскоши, среди прелестных жен,
Я пенье забывал волшебное сирен
И мыслил о тебе лишь в горести сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона.
Места прелестные и в дикости своей,
О камни Швеции, пустыни скандинавов,
Обитель древняя и доблестей и нравов!
Ты слышала обет и глас любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальние скалы гранитных берегов,
И села пахарей, и кущи рыбаков
Сквозь тонки, утренни туманы
На зеркальных водах пустынной Троллетаны.

Исполненный всегда единственно тобой,
С какою радостью ступил на брег отчизны!
«Здесь будет, — я сказал, — душе моей покой,
Конец трудам, конец и страннической жизни».
Ах, как обманут я в мечтании моем!
Как снова счастье мне коварно изменило
В любви и дружестве... во всем,
Что сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствиям конец — печалям никогда!
В твоём присутствии страдания и муки
Я сердцем новые познал.
Они ужаснее разлуки,
Всего ужаснее! Я видел, я читал
В твоём молчании, в прерывном разговоре,
В твоём унылом взоре,
В сей тайной горести потупленных очей,
В улыбке и в самой веселости твоей
Следы сердечного терзанья...

Нет, нет! Мне бремя жизнь! Что в ней без упования?
Украсить жребий твой
Любви и дружества прочнейшими цветами,
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре,
Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Всё, всё у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
Что в жизни без тебя? Что в ней без упования,
Без дружбы, без любви — без идолов моих?..
И муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарования.

Вторая половина 1815(?)

84. ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.

О други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронштейма вы помните сечу?
Как вихорь пред вами я мчался на встречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бедные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упряждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду..
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

Между февралем и 17 июля 1816

85. ПОСЛАНИЕ К ТУРГЕНЕВУ

О ты, который средь обедов,
Среди веселий и забав
Сберег для дружбы кроткий нрав,
Для дел — характер честный дедов!

О ты, который при дворе,
В чаду успехов или счастья,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье!
О ты, который с похорон
На свадьбы часто поспеваешь,
Но, бедного услыша стон,
Ушей не закатаешь!
Услышь, мой верный доброхот,
Певца смиренного моление,
Доставь крупицу от щедрот
Сироткам двум на прокормление!
Замолви слова два за них
Красноречивыми устами:
Лишь «Дайте им!» промолви — вмиг
Они очутятся с сергами.
Но кто они? — Скажу точь-в-точь
Всю совесть их пред тобою.
Они — вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою.
Жил некто в мире сем Попов,
Царя усердный воин.
Был беден. Умер. От долгов.
Он, следственно, спокоен.
Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не всё для бедных бедство!
Им добры люди помогли,
Согрели, накормили
И, словом, как могли,
Сироток приютили.
Прекрасно! славно! — спору нет!
Но... здешний свет
Не рай — мне сказывал мой дед.
Враги нахлынули рекою,
С землей сравнялася Москва...
И бедная вдова
Опять пошла с клюкою...
А между тем всё дочь растёт,
И нужды с нею подрастают.
День за день всё идет, идет,
Недели, месяцы мелькают ;
Старушка клонится, а дочь
Пышнее розы расцветает,
И стала... Грация точь-в-точь!
Прелестный взор, глаза большие,
Румянец Флоры на щеках,
И кудри льняно-золотые
На алебастровых плечах.

Что слово молвит — то приятство,
Что ни наденет — всё к лицу!
Краса — увы! — ее богатство
И всё приданое к венцу,
А крохи нет насущной хлеба!
Тургенев, друг наш! Ради неба —
Приди на помощь красоте,
Несчастью и нищете!
Они пред образом, конечно,
Затеплят чистую свечу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечный!

14 октября 1816

86. К ЦВЕТАМ НАШЕГО ГОРАЦИЯ

Ни вьюги, ни морозы
Цветов твоих не истребят.
Бог лиры, бог любви и музыки мне твердят:
В саду Горация не увядают розы.

1816(?)

87. * * *

У Волги-реченьки сидел
В кручинушке, унылый,
Солдат израненный и хилый.
Вздыхнул, на волны поглядел
И песенку запел:

— Там, там в далекой стороне
Ты, родина святая!
Отец и мать моя родная,
Вас не увидеть боле мне
В родимой стороне.

О, смерть в боях не так страшна,
Как страннику в чужбине,
Там пуля смерть, а здесь в кручине
Томись без хлеба и без сна,
Пока при<дет> она.

Куда летите, паруса? —
На родину святую.
Зачем вы, пташки, в цепь густую,

Зачем взвились под небеса? —
В родимые леса.

Всё в родину летит свою,
А я бреду насилу,
Сквозь слезы песенку унылу
Путем-дорогою пою
Про родину мою.

Несу котомку на плечах,
На саблю подпираюсь,
Как сиротинка скитаюсь
В лесах дремучих и песках,
На волжских берегах.

Жена останется вдовой,
А дети сиротами,
Вам сердце молвит: за горами,
В стране далекой и чужой,
Знать, умер наш родной.

Зачем, зачем река Дунай
Меня не поглотила!
Зачем ты, пуля, изменила
.....

1816 или 1817(?)

88. ГЕЗИОД И ОМИР — СОПЕРНИКИ

Посвящено А. Н. О., любителю древности.

Народы, как волны, в Халкиду текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
Бойцы выступали с бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогих по звонким полям,
И трижды владетель Халкиды
Достойным оливны венки раздавал.
Но солнце на лоно Фетиды
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очистите поле, возницы!
Спешите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы,
Коней отрешите от тягостных уз

И в стойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потом покрыты, бойцы,
При пламени светлом вздохните,
Внемлите народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

Пройдя из края в край гостеприимный мир,
Летами древними и роком удрученный,
Здесь песней царь Омир
И юный Гезиод, каменам драгоценный,
Вступают в славный бой.
Колебля маслину священную рукой,
Певец Аскреи гимн высокий начинает
(Он с лирой никогда свой глас не сочетает).

Гезиод

Безвестный юноша, с стадами я бродил
Под тенью пальмовой близ чистой Иппокрены,
Там пастыря нашли прелестные камни,
И я в обитель их священную вступил.

Омир

Мне снилось в юности: орел-громометатель
От Мелеса меня играючи унес
На край земли, на край небес,
Веща: ты земли и неба обладатель.

Гезиод

Там лавры хижину простую осенят,
В пустынях процветут Темпейские долины,
Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О нежны дочери суровой Мнемозины!

Омир

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба —
Так выше всех богов властитель их, Зевес!...

Гезиод

В священном сумраке, в сиянии Дианы,
Вы, музы, любите сплетаться в хоровод
Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы рьяный...

Омир

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
Не брызнет под ножом над Зевсовой гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.

Гезиод

А мы все смертные, все паркам обреченны,
Увидим области подземного царя
И реки спящие, Тенаром заключенны,
Не льющи дань свою в бездонные моря.

Омир

Я приближаюсь к мете сей неизбежной.
Внемли, о юноша! Ты пел «Труды и дни»...
Для сердца ветхого уж кончились они!

Гезиод

Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежный
На синем Стримоне, провидя страшный час,
Не слаще твоего поет в последний раз!
Твой гений проникнул в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж ? В юдоли сей страдалец искони,
Ты роком обречен в печалях кончить дни.
Певец божественный, скитаяся, как нищий,
В печальном рубище, без крова и без пищи,
Слепец всевидящий! ты будешь проклинать
И день, когда на свет тебя родила мать!

Омир

Твой глас подобится амвросии небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей льет.
Певец! в устах твоих поэзии прелестной
Сладчайший Ольмия благоухает мед.
Но... муз любимый жрец!.. страшись руки злодейской,
Страшись любви, страшись Эвбеи берегов:
Твой близок час: увы! тебя Зевес Немейской
Как жертву славную готовит для врагов.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи их... Народ рукоплескал.
Но снова сладкий бой поэты начинали
При шуме радостных похвал.
Омир, возвыся глас, воспел народов брани,

Народов, гибнущих по прихоти царей;
Приама древнего, с мольбой несуща дани
Убийце грозному и кровных, и детей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харит и легкий ор, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.
А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну зеленую — сопутницу гиад;
Как Феб торжественно вселенну обтекает,
Как дни и месяцы рождаются в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годичные оратая в полях.
Заботы сладкие при сборе винограда;
Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел, и пастырей, и стада
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный средь мира,
Презрел высокий гимн бессмертного Омира
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливый Гезиод в награду получил
За песни, мирною каменной вдохновенны,
Сосуды серебряны, треножник позлащенный
И черного овна, красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны ахейские, как волны,
На край ристалища обширного спешат,
Где победитель сам, благоговенья полный,
При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает
И музам светлые сосуды предлагает
Как дар, усердный дар певца за их любовь.
До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы,
Омир скрывается от суетной толпы,
Снедая грусть свою в молчании глубоком.
Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит;
Он с ним пристанища в Элладе не находит...
И где найдут его талант и нищета?

Конец 1816 — январь 1817

89. К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО.

Под знаменем Москвы пред падшею столицей
Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей;
В дни мира, новый Грей,
Пленяет нас задумчивой цевницей.

1816 или начало 1817

90. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН
1814

Меж тем как воины вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Рейн, волны,
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глотает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
Желанной влагой обновляет...

О радость! я стою при Рейнских водах!
И, жадные с холмов в окрестность броса взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминая древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Рейн величавый!
Свидетель древности, событий всех времен,
О Рейн, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священны, Рейн, воды.

Века мелькнули: мир крестом преображен,
Любовь и честь в душах суровых пробудилась.
Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкой трубадуров лиры.
Так, здесь под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще среди избранных сынов.
Здесь всё питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.

Всё, всё — и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных

И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.
Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
С падением народной славы,
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового стенал
И ты уныло протекал
Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичаяся, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?
И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули за честь своих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян,
Где ангел мирный, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.
Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
«Ура» победы и зыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставляя дол зыбучий.

Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,

И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легких всадников рои —
В текучей влаге отраженны!
Там слышен стук секир — и пал угрюмый лес!
Костры над Рейном дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают,
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.

Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на берегу высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...
Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель алтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся мирные кадилы.
И се подвинулись — валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется все войско;
И эхо вторит крик героической,
Досель неслышанный, о Рейн, над тобой!
Твой стонет берег гостеприимный,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
От глаз в дали теряясь дымной! ..

91. * * *

Тот вечно молод, кто поет
Любовь, вино, Эрота
И розы сладострастья жнет
В веселых цветниках Буфлера и Марота.
Пускай грозит ему подагра, кашель злой
И свора злых заимодавцев:
Он всё трудиться день-деньской
Для области книгопродавцев
«Умрет, забыт!» Поверьте, нет!
Потомство всё узнает:
Чем жил, и как, и где поэт,
Как умер, прах его где мирно истлевает.
И слава, верьте мне, спасет,
Из алчных челюстей забвенья
И в храм бессмертия внесет
Его и жизнь, и сочиненья.

Первая половина марта 1817

92. <В. Л. ПУШКИНУ>

Чутьем поэзию любя,
Стихами лепетал ты, знаю, в колыбели;
Ты был младенцем, и тебя
Лелеял весь Парнас и музы гимны пели,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
Расти, сокровище бесценно!
Ты наш, в тебе запечатлено
Таланта вечное клеймо!
Ничтожных должностей свинцовое ярмо
Твоей не тронет шеи:
Эроты розы и лилеи,
Счастливы Пафоса затеи,
Гулянья, завтраки и праздность без трудов,
Жизнь без раскаянья, без мудрости плодов,
Твои да будут вечно!
Расти, расти, сердечный!
Не будешь в золоте ходить,
Друзей любить
И кофей жирный пить!»

Первая половина марта 1817

93. УМИРАЮЩИЙ ТАСС

Элегия

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!

Che piu spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che piu giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!

«Torrismondo», tragedia di T. Tasso

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры сладкий дым?
Душистых трав кругом кошницы полны?
До Капитолия от Тибровых валов,
Над стогнами всемирная столица,
К чему раскинуты средь лавров и цветов
Бесценные ковры и багряницы?
К чему сей шум? К чему тимпанов звук и гром?
Веселья он или победы вестник?
Почто с хоругвией течет в молитвы дом
Под митрою апостолов наместник?
Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима?
Кому триумф? — Тебе, божественный певец!
Тебе сей дар... певец Ерусалима!
И шум веселия достиг до кельи той,
Где борется с кончиною Торквато,
Где над божественной страдальца головой
Дух смерти носится крылатый.
Ни слезы дружества, ни иноков мольбы,
Ни почестей столь поздние награды —
Ничто не укротит железная судьба,
Не знающей к великому пощады.
Полуразрушенный, он видит грозный час,
С веселием его благословляет,
И, лебедь сладостный, еще в последний раз
Он, с жизнью прощаясь, восклицает:

* ... Подобно горному, быстрому потоку, подобно зарнице, вспыхнувшей в ясных ночных небесах, подобно ветерку или дыму, или подобно стремительной стреле пронесется наша слава; всякая почестей похожа на хрупкий цветок! На что надеешься, чего ждешь ты сегодня? После триумфа и пальмовых ветвей одно только осталось душе — печаль и жалобы, и слезные Пени. Что мне в дружбе, что мне в любви? О слезы! О горе! «Торрисмондо», трагедия Т. Тассо (итал.). — *Ред.*

«Друзья, о, дайте мне взглянуть на пышный Рим,
Где ждет певца безвременно кладбище!
Да встречу взорами холмы твои и дым,
О древнее квиритов пепелище!
Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый!
Лазурь и пурпуры безоблачных небес,
Вы, тополи, вы, древние оливы!
И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костями граждан вселенны, —
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
Безвременной кончине обреченный!

Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
Скитаясь как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насущный хлеб
Слезами скорби не кропился?
Сорренто! Колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,
Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний, —
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веси в весь, из стран в страну гонимый,
Я тщетно на земле пристанища искал:
Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду молнии, карающей певца!
Ни в хижине оратая простого,
Ни под защитою Альфонсова дворца,
Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей,
Бесславием и славой удрученной,
Главы изгнанника, от колыбельных дней
Карающей богине обреченной...

Друзья, но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет, и трепещет?
Откуда я? какой прошел ужасный путь,
И что за мной еще во мраке блещет?

Феррара... фурии... и зависти змия!..
Куда? куда, убийцы дарованья!
Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья и семья!
Вот слезы их и сладки лобызанья...
И в Капитолии — Вергилиев венец!
Так, я свершил назначенное Фебом.
От первой юности его усердный жрец,
Под молнией, под разъяренным небом
Я пел величие и славу прежних дней,
И в узах я душой не изменился.
Муз сладостный восторг не гас в душе моей,
И гений мой в страданиях укрепился.
Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,
На берегах цветущих Иордана;
Он вопрошал тебя, мятущийся Кедрон,
Вас, мирные убежища Ливана!
Пред ним воскресли вы, герои древних дней,
В величии и в блеске грозной славы:
Он зрел тебя, Готфред, владыка, вождь царей,
Под свистом стрел спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальд, кипящий, как Ахилл,
В любви, в войне счастливый победитель.
Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил,
Как огонь, как смерть, как ангел-истребитель...

И тартар низложен сияющим крестом!
О, доблести неслыханной примеры!
О, наших праотцов, давно почивших сном,
Триумф святой! победа чистой веры!
Торквато вас исторг из пропасти времен:
Он пел — и вы не будете забвенны, —
Он пел: ему венец бессмертья обречен,
Рукою муз и славу соплетенный.

Но поздно! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий,
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли!»

Умолк. Унылый огонь в очах его горел,
Последний луч таланта пред кончиной;
И умирающий, казалось, хотел
У парки взять триумфа день единый,
Он взором всё искал Капитолийских стен,
С усилием еще приподнимался;
Но мукой страшною кончины изнурен,
Недвижимый на ложе оставался.
Светило дневное уж к западу текло
И в зареве багряном утопало;
Час смерти близился... и мрачное чело

В последний раз страдальца просияло.
 С улыбкой тихою на запад он глядел...
 И оживлен вечернею прохладой,
 Десницу к небесам внимающим воздел,
 Как праведник, с надеждой и отрадой.
 «Смотрите, — он сказал рыдающим друзьям, —
 Как царь светил на западе пылает!
 Он, Он зовет меня к безоблачным странам,
 Где вечное светило засияет...
 Уж ангел предо мной, вожатый оных мест;
 Он осенил меня лазурными крылами...
 Приблизьте знак любви, сей таинственный крест...
 Молитесь с надеждой и слезами...
 Земное гибнет всё... и слава, и венец...
 Искусств и муз творенья величавы,
 Но там всё вечное, как вечен сам Творец,
 Податель нам венца небренной славы!
 Там всё великое, чем дух питался мой,
 Чем я дышал от самой колыбели.
 О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
 Ваш друг достиг давно желанной цели.
 Отыдет с миром он и, верой укреплен,
 Мучительной кончины не приметит:
 Там, там... о счастье!.. среди непорочных жен,
 Среди ангелов, Элеонора встретит!»

И с именем любви божественный погас;
 Друзья над ним в безмолвии рыдали,
 День тихо догорал... и колокола глас
 Разнес кругом по стогнам весть печали.
 «Погиб Токвато наш! — воскликнул с плачем Рим, —
 Погиб певец, достойный лучшей доли!..»
 Наутро факелов узрели мрачный дым;
 И трауром покрылся Капитолий.

Февраль — май 1817

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ «УМИРАЮЩИЙ ТАСС»

Не одна история, но живопись и поэзия неоднократно изображали бедствия Тасса. Жизнь его, конечно, известна любителям словесности. Мы напомним только о тех обстоятельствах, которые подали мысль к этой элегии.

Т. Тасс приписал* свой «Иерусалим» Альфонсу, герцогу Феррарскому («o magnanimo Alfonso!»**) — и великодушный покровитель без вины, без суда заключил его в больницу св. Анны, т. е. в дом сумасшедших. Там его видел Монтань, путешествовавший по Италии в 1580 г. Странное свидание в таком месте первого мудреца времен новейших с величайшим стихотворцем!.. Но вот что Монтань пишет в «Опытах»: «Я смотрел на Тасса еще с большею досадою, нежели с сожалением; он пережил себя: не узнавал ни себя, ни творений своих. Они без его ведома, но при нем, но почти в глазах его напечатаны неисправно, безобразно». Тасс, к дополнению несчастья, не был совершенно сумасшедший и, в ясные минуты рассудка, чувствовал всю горечь своего положения. Воображение, главная пружина его таланта и злополучия, нигде ему не изменяло. И в узах он сочинял беспрестанно. Наконец, по усиленным просьбам всей Италии, почти всей просвещенной Европы, Тасс был освобожден (заключение

* То есть посвятил. — *Ред.*

** «О великодушный Альфонс!..» (итал.). — *Ред.*

его продолжалось семь лет, два месяца и несколько дней). Но он недолго наслаждался свободой. Мрачные воспоминания, нищета, вечная зависимость от людей жестоких, измена друзей, несправедливость критиков, одним словом — все горести, все бедствия, какими только может быть обременен человек, разрушили его крепкое сложение и привели по терниям к ранней могиле. Фортуна, коварная до конца, приготавливая последний решительный удар, осыпала цветами свою жертву. Папа Климент VIII, убежденный просьбами кардинала Цинтио, племянника своего, убежденный общенародным голосом всей Италии, назначил ему триумф в Капитолии. «Я вам предлагаю венок лавровый, — сказал ему папа, — не он прославит вас, но вы его!» Со времени Петрарка (во всех отношениях счастливейшего стихотворца Италии) Рим не видал подобного торжества. Жители его, жители окрестных городов желали присутствовать при венчании Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. В апреле все было готово, но болезнь усилилась. Тасс велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия; и там, окруженный друзьями и братией мирной обители, на одре мучений ожидал кончины. К несчастью, вернейший его приятель, Константины, не был при нем, и умирающий написал к нему сии строки, в которых, как в зеркале, видна вся душа певца Иерусалима: «Что скажет мой Константины, когда узнает о кончине своего милого Торквато? Не замедлит дойти к нему эта весть. Я чувствую приближение смерти. Никакое лекарство не излечит моей новой болезни. Она совокупилась с другими недугами и, как быстрый поток, увлекает меня... Поздно теперь жаловаться на фортуна, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествует! Нищим я доведен ею до гроба, в то время как надеялся, что слава, приобретенная наперекор врагам моим, не будет для меня совершенно бесполезною. Я велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия не потому единственно, что врачи одобряют его воздух, но для того, чтобы на сем возвышенном месте, в беседе Святых отшельников начать мои беседы с небом. Молись Богу за меня, милый друг, и будь уверен, что я, любя и уважая тебя в сей жизни и в будущей — которая есть настоящая, — не премину все совершить, чего требует истинная, чистая любовь к ближнему. Поручаю тебя благости небесной и себя поручаю. Прости! — Рим. Св. Онуфрий».

Тасс умер 10 апреля на пятьдесят первом году*, исполнив долг христианский с истинным благочестием.

Весь Рим оплакивал его. Кардинал Цинтио был неутешен и желал великолепием похорон вознаградить утрату триумфа. По его приказанию, говорит Жингене в «Истории литературы итальянской», тело Тассово было облечено в римскую тогу, увенчано лаврами и выставлено всенародно. Двор, оба дома кардиналов Альдобрандини и народ многочисленный провожали его по улицам Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще раз на того, которого гений прославил свое столетие, прославил Италию и который столь дорого купил поздние, печальные почести!..

Кардинал Цинтио (или Чинцио) объявил Риму, что воздвигнет поэту великолепную гробницу. Два оратора приготовили надгробные речи: одну латинскую, другую италианскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть кардинала была непродолжительна, и памятник не был воздвигнут. В обители св. Онуфрия смиренная братия показывает и поныне путешественнику простой камень с этой надписью: «Torquati Tassi ossa hic jacent».** Она красноречива.

Февраль — май 1817

94. БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и муз и граций,
Сопутниц жизни молодой.

Спешу принести цветы и ульев сон янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны,

* В действительности Тассо умер 25 апреля 1595 г. на 52-м году жизни. — *Ред.*

** Здесь лежат кости Торквато Тассо (лат.). — *Ред.*

Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.

Не молит славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.

Он молит муз — душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам.

Пускай забот свинцовый груз
В реке забвения потонет
И время жадное в сей тайной сени муз
Любимца их не тронет.

Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

май 1817

95. К НИКИТЕ

Как я люблю, товарищ мой,
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорных вершины
Необозримых наших строй
На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекий
И погрузиться до утра
Под теплой буркой в сон глубокий
Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот
И ружей протяженный грохот
Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями

Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне,
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки,
Вперед! сюда, донцы! Гусары!
Сюда, летучие полки,
Башкирцы, горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядра и картечи!
Что вы для них? для сих сердец,
Природой вскормленных для сечи?
Колонны сдвинулись, как лес.
И вот... о зрелище прекрасно!
Идут — безмолвие ужасно!
Идут — ружье наперевес;
Идут... ура! — и всё сломили,
Рассеяли и разгромили:
Ура! Ура! — и где же враг?..
Бежит, а мы в его домах —
О радость храбрых! — киверами
Вино некупленное пьем
И под небесными громами
«Хвалите Господа» поем!..

Но ты трепещешь, юный воин,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой дух встревожен, беспокоен
Он рвется лавры пожинать:
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавая войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: с первыми громами
К знаменам славы полетишь;
Но там, о горе, не узришь
Меня, как прежде, под шатрами!
Забывтый шумною молвой,
Сердце мучительницей милой,
Я сплю, как труженик унылый,
Не оживляемый хвалою.

июнь или начало июля 1817

96. <С. С. УВАРОВУ>

Среди трудов и важных муз,
Среди учености всемирной
Он не утратил нежный вкус;
Еще он любит голос лирный,

Еще в душе его огонь,
И сердце наслаждений просит,
И борзый Аполлонов конь
От муз его в Цитеру носит.
От пепла древнего Афин,
От гордых памятников Рима,
С развалин Трои и Солима,
Умом вселенной гражданин,
Он любит отдыхать с Эратой,
Разнообразной и живой,
И часто водит нас с собой
В страны Фантазии крылатой.
Ему легко: он награжден,
Благословен, взлелеян Фебом;
Под сумрачным родился небом,
Но будто в Аттике рожден.

вторая половина 1817

97. МЕЧТА *

Подруга нежных муз, посланница небес,
Источник сладких дум и сердцу милых слез,
Где ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
К которым ты стремишь таинственный полет?
Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
Где ветер порывистый и бури шум внимаешь?
Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит всё любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
Коснуся я струнам,
Тобой одушевленным!
Явися! ждет тебя задумчивый пиит,
В безмолвии ночном сидящий у лампы!
Явись и дай вкусить сердечных отрады!
Любимца твоего, любимца Аонид,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести *мечтает*.

То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветер шумит, ревет гроза,

* Окончательная редакция стихотворения. — *Ред.*

Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
То, с чашей радости в руках,
Он с бардами поет: и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвно им внимает.
И эхо по горам песнь звучну повторяет.

Или в полночный час
Он слышит скальдов глас
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.
Могилу указав, где вождь героев спит,
«Чья тень, чья тень, — гласит
В священном исступлении, —
Там с девами плывет в туманных облаках?
Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх,
Днесь падший на сраженьи!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты,
Но сам ты пал на грудах тел,
Пал витязь знаменитый
Под тучей вражьих стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С золотыми копьями в руках
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг —
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовили для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.
При шуме горных вод и тихострунных лир,
Среди полян и свежих сеней,
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И златорогих серн!»
Склонясь на зланный дерн,
С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою
В восторге скальд поет

О славе древних лет,
Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехой блещут.
Но вечер притекает,
Час неги и прохлад,
Глас скальда замолкает.
Замолк — и храбрый сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы молодые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны явства носят
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед...
Так древний скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый:
Он счастлив, погружаясь о счастья в сладки думы!

О, сладкая мечта! О, неба дар благой!
Средь дебрей каменных, средь ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические воды,
В краях изгнанников... я счастлив был тобой.
Я счастлив был, когда в моем уединеньи,
Над кушей рыбаля, в час полночи немой,
Раздастся ветров свист и вой
И в кровлю застучит и град, и дождь осенний.
Тогда на крыльях мечты
Летал я в поднебесной,
Или, забывшись на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестный
И, счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!

Волшебница моя! Дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой —
Всё, всё украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь:
За ним во все страны летаешь
И счастьем даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! Что нужды для него?
Но с ним задумчивость, в день пасмурный, осенний,
На мирном ложе сна,

В уединенной сени,
Беседует одна.
О, тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердец холодных радость,
Веселий шум и блеск частей
Тому, кто ничего не ищет под луною,
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!

Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался
И счастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой мечты?
Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши с подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливой,
Теперь блаженствуешь и счастлив ты — мечтой!
Ночь сладострастия тебе дает призраки
И нектаром любви кропит ленивы маки.

Мечтание — душа поэта и стихов,
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Анакреона,
Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона;
А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций,
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных, и веселых,
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоём уединеньи,
Ты ждал Глицерию, и в сладостном забвеньи,
Томимый нею на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,
При пляске нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен, в сладкой думе
Мечтал... и вдруг, мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и прекрасной
Победу пел любви

Над юностью беспечной,
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечный,
Счастливец! воспевал
Цитерские забавы
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость? —
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов;
Для них нет прелести и в прелестях природы.
Им девы не поют, сплетая в хороводы:
Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья.
Исчезнут граций лобызанья,
Надежда изменит и рой крылатых снов.
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает
И время старости могилу открывает.

Но ты — пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златой у мраморных палат, —
Но я и счастлив, и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой!
Пусть будет навсегда со мной
Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве Мечтой!
Их сердцу малость драгоценна:
Как пчелка, медом отягченна,
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,
Так хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив — *он мечтает.*

1817

98.-110.
<ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ>

1

В обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слез,
И вопль отчаянья над хладною могилой,
И горсть, как ты, минутных роз!
Ах! тщетно всё! Из вечной сени
Ничем не призовем твоей прискорбной тени:
Добычу не отдаст завистливый Аид.
Здесь онемение; всё хладно, всё молчит,
Надгробный факел мой лишь мраки освещает...
Что, что вы сделали, властители небес?
Скажите, что краса так рано погибает!
Но ты, о мать-земля! с сей данью горьких слез
Прими почившую, поблеклый цвет весенний,
Прими и успокой в гостеприимной сени!

2

Свидетели любви и горести моей,
О розы юные, слезами омоченны!
Красуйтесь в венках над хижиной смиренной,
Где милая таится от очей!
Помедлите, венки! еще не увядайте!
Но если явится, — пролейте на нее
Всё благовоние свое
И локоны ее слезами напитайте.
Пусть остановится в раздумьи и вздохнет.
А вы, цветы, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!

3

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили...
О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девический оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие из дымки белоснежной,
И обувь стройная, и свежие цветы:
Здесь всё — развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никагора!

4

ЯВОР К ПРОХОЖЕМУ

Смотрите, виноград кругом меня как вьется!
 Как любит мой полуистлевший пень!
 Я некогда ему давал отрадну тень;
 Завял... но виноград со мной не расстается.
 Зевеса умоли,
 Прохожий, если ты для дружества способен,
 Чтоб друг твой моему был некогда подобен
 И пепел твой любил, оставшись на земли.

5

Где слава, где краса, источник зол твоих?
 Где стогны шумные и граждане счастливы?
 Где зданья пышные и храмы горделивы,
 Муся, золото, сияющее в них?
 Увы! погиб навек, Коринф столповенчанный!
 И самый пепел твой развеян по полям.
 Всё пусто: мы одни взываем здесь к богам,
 И стонет Алкион один в дали туманной!

6

«Куда, красавица?» — «За делом, не узнаешь!»
 — «Могу ль надеяться?» — «Чего?» — «Ты понимаешь!»
 — «Не время!» — «Но взгляни: вот золото, считай!»
 — «Не боле? Шутишь! Так прощай».

7

Сокроем навсегда от зависти людей
 Восторги пылкие и страсти упоенье,
 Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
 Как сладко тайное любви наслаждение!

8

В Лаисе нравится улыбка на устах,
 Ее пленительны для сердца разговоры,
 Но мне милей ее потупленные взоры
 И слезы горести внезапной на очах.
 Я в сумерки вчера, одушевленный страстью,
 У ног ее любви все клятвы повторял
 И с поцелуем к сладострастью

На ложе роскоши тихонько увлекал...
Я таял, и Лаиса млела...
Но вдруг уныла, побледнела
И — слезы градом из очей!
Смущенный, я прижал ее к груди моей:
«Что делалось, скажи, что делалось с тобою?»
— «Спокойся, ничего, бессмертными клянусь;
Я мыслию была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я ... тебя страшусь».

9

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте не изменилась
И для любви моей
От времени еще прелестнее явилась.
Твой друг не дорожит неопытной красой,
Незрелой в таинствах любовного искусства,
Без жизни взор ее стыдливый и немой,
И робкий поцелуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;
И в осень дней твоих не погасает пламень,
Текущий с жизнью в крови.

10

Увы! глаза, потухшие в слезах,
Ланиты, впалые от долгого страданья,
Родят в тебе не чувство состраданья, —
Жестокою улыбку на устах...
Вот горькие плоды любви страстной,
Плоды ужасные мучений без отрад,
Плоды любви, достойные наград,
Не участи для сердца столь ужасной...
Увы! как молния внезапная небес,
В нас страсти жизнь младую пожирают
И в жертву безотрадных слез,
Коварные, навеки покидают.
Но ты, прелестная, которой мне любовь
Всего — и юности, и счастья дороже,
Склонись, жестокая, и я... воскресну вновь,
Как был, или еще бодрее и моложе.

11

Улыбка страстная и взор красноречивый,
В которых вся душа, как в зеркале, видна,

Сокровища мои... Она
Жестоким Аргусом со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:
Ревнивец злой, страшись любви очей!
Любовь мне таинство быть счастливым открыла,
Любовь мне скажет путь к красавице моей,
Любовь тебя читать в сердцах не научила.

12

Изнемогает жизнь в груди моей остылой;
Конец борению; увы! всему конец.
Киприда и Эрот, мучители сердец!
Услышьте голос мой последний и унылый.
Я вяну и еще мучения терплю:
Полмертвый, но сгораю.
Я вяну, но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!
Так, жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче, пред концом,
На пепле погасает.

13

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Вверяйся челноку! плыви!

Между маем 1817 и началом 1818

111. К ТВОРЦУ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал, —
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид!
Любимый отрок аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты

И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!

И я так плакал в восхищеньи,
Когда скрижаль твою читал,
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленьи...
Пускай талант — не мой удел!
Но я для муз дышал не даром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

Между июлем и сентябрем 1818

112. КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ

при получении от него в подарок книги, им переведенной

Чем заплачу вам, милый князь,
Чем одарю почтенного поэта?
Стихами? Но давно я с музой рушил связь
И без нее кругом летаю света,
С востока к западу, от севера на юг —
Не там, где вы, где граций круг,
Где Аполлон с парнасскими сестрами,
Нет, нет, в стране иной,
Где ввек не повстречаюсь с вами:
В пыли, в грязи, на тряской мостовой,
«В картузе с козырьком, с небритыми усами»,
Как Пушкина герой,
Воспетый им столь сильными стихами.
Такая жизнь для мыслящего — ад.
Страданий вам моих не в силах я исчислить.
Скачи туда, сюда, хоть рад или на рад.
Где ж время чувствовать и мыслить?
Но время, к счастью, есть любить
Друзей, их славу и успехи
И в дружбе находить
Неизъяснимые для черствых душ утехи.
Вот мой удел, почтенный мой поэт:
Оставя отчий край, увижу новый свет,
И небо новое, и незнакомы лица,
Везувий в пламени и Этны вечный дым,
Кастратов, оперу, фигляров, папский Рим
И прах, священный прах всемирных столицы.
Но где б я ни был (так я молвлю в добрый час),
Не изменясь, душою тот же буду
И, умирая, не забуду
Москву, отечество, друзей моих и вас!

11 сентября 1818

113. ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ

Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,
У Выборгской границы,
Близ Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж,
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без бального наряда,
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.
Так муж с супругой нежной
В час отдыха от дел
Под кров свой безмятежный
Муз к грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О греческих богах,
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И кистию чудесной,
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты,
Которые от Леты
Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов
И Гнедич сочиняли,
Как пишет Тянислов
Иль Балдусы писали,
Забыв и вкус, и ум.
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Изладим колесницы,

Ударим по коням
И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? — По рукам!

Между октябрем 1817 и ноябрем 1818

114. * * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где нежились рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод.

Май или июнь 1819

115. * * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать об них — не знаю.

Июль или август 1819

116. НАДПИСЬ ДЛЯ ГРОБНИЦЫ ДОЧЕРИ МАЛЫШЕВОЙ

О! милый гость из отческой земли!
Молю тебя: заметь сей памятник безвестный:
Здесь мать и отец надежду погребли;
Здесь я покоюся, младенец их прелестный.
Им молви от меня: «Не сетуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность;
Не знала жизни я,
И знаю вечность».

Январь 1820

117. ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ

La verginella e simile alla rosa *

Девушка юная подобна розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

<1821>

118.-123. ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? Сосуд,
Где капля меду среди полыни,
Величествен сей понт! Лазурный царь пустыни,
О солнце! чудно ты среди небесных чуд!
И на земле прекрасного столь много!
Но всё поддельное иль втуне серебро:
Плачь, смертный! плачь! Твое добро
В руке у Немезиды строгой!

2

Скалы чувствительны к свирели;
Верблюд прислушивать умеет песнь любви,
Стеня под бременем; румянее крови —
Ты видишь — розы покраснели
В долине Йемена от песней соловья...
А ты, красавица... Не постигаю я.

3

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден —
Но свеж и зелен он всегда.
Не можешь, гражданин, как пальма, дать плода?
Так буди с кипарисом сходен:
Как он уединен, осанист и свободен.

* Девушка подобна розе (итал.) — *Ред.*

4

Когда в страдании девица отойдет
 И труп синеющий остынет, —
 Напрасно на него любовь и амвру льет,
 И облаком цветов окинет.
 Бледна, как лилия в лазури васильков,
 Как восковое изваянье;
 Нет радости в цветах для вянущих перстов,
 И суетно благоуханье.

5

О смертный! хочешь ли безбедно перейти
 За море жизни тревоженной?
 Не буди горд: и в ветер попутный опусти
 Свой парус, счастием надменный.
 Не покидай руля, как свистнет ярый ветер!
 Будь в счастье — Сципион, в тревоге брани — Петр.

6

Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись;
 Венца победы? — смело к бою!
 Ты перлов жаждешь? — так спустись
 На дно, где крокодил зияет под водою.
 Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
 Лишь смелым перлы, мед, иль гибель... иль венец.

Июнь 1821
 Шафгаузен

124. * * *

Жуковский, время всё проглотит,
 Тебя, меня и славы дым,
 Но то, что в сердце мы храним,
 В реке забвенья не потопит!
 Нет смерти сердцу, нет ее!
 Доколь оно для блага дышит!..
 А чем исполнено твое,
 И сам Плетаев не опишет.

Начало ноября 1821

125. * * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез?

1821(?)

МЕЛКИЕ САТИРИЧЕСКИЕ И ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

---

126. ПЕРЕВОД ЛАФОНТЕНОВОЙ ЭПИТАФИИ

Иван и умер, как родился, —
Ни с чем; он в жизни веселился
И время вот как разделял:
Во весь день — пил, а ночью — спал.

1804 или 1805

127. * * *

Безрифмина совет:
Без жалости всё сжечь мое стихотворенье!
Быть так! Его ж, друзья, невинное творенье
Своею смертью умрет!

<1805>

128. <Н. И. ГНЕДИЧУ>

Ужели слышать всё докучный барабан?
Пусть дружество еще, проникнув тихим гласом,
Хотя на час один соединит с Парнасом
Того, кто невзначай Ареев вздел кафтан
И с клячей величавой
Пустился кое-как за славой.

2 марта 1807

129. * * *

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!

Июль или август 1809

130. МАДРИГАЛ НОВОЙ САФЕ

Ты — Сафо, я — Фаон, — об этом и не спорю,
Но, к моему ты горю,
Пути не знаешь к морю.

Июль или август 1809

131. КНИГИ И ЖУРНАЛИСТ

Крот мыши раз шепнул: «Подруга! ну, зачем
На пыльном чердаке своем
Царапаешь, грызешь и книги раздираешь:
Ты крошки в них ума и пользы не собираешь?»
— «Не об уме и хлопочу,
Я есть хочу».

Не знаю, впрок ли то, но эта мышь уликой
Тебе, обрызганный чернилами Арист.
Зубами ты живешь, голодный журналист.
Да нужды жить тебе не видим мы великой.

Июль или август 1809

132. ЭПИГРАММА НА ПЕРЕВОД ВЕРГИЛИЯ

Вдали от храма муз и рощей Геликона
Феб мстительной рукой Сатира задавил; *
Воскрес урод и отомстил:
Друзья, он душит Аполлона!

Июль или август 1809

133. МАДРИГАЛ МЕЛИНЕ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЛА СЕБЯ НИМФОЮ

Ты нимфа Ио, — нет сомненья!
Но только... после превращенья!

Июль или август 1809

134. ЭПИТАФИЯ

Не нужны надписи для камня моего,
Пишите просто здесь: он был и нет его!

Конец ноября 1809

* Всем известна участь Марсия.

135. * * *

Известный откупщик Фадей
Построил Богу храм... и совесть успокоил.
И впрямь! На всё цены удвоил:
Дал Богу медный грош, а сотни взял рублей
С людей.

<1810>

136. * * *

«Теперь, сего же дня,
Прощай, мой экипаж и рыжих четверня!
Лизета! ужины!.. Я с вами распрощался
Навек для мудрости святой!»
— «Что сделалось с тобой?»
— «Бездежка!.. Проигрался!»

<1810>

137. ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ

«О хлеб-соль русская! о прадед Филарет!
О милые останки,
Упрямяство дедушки и ферези прабабки!
Без вас спасенья нет!
А вы, а вы забыты нами!» —
Вчера горланил Фирс с гостями
И, сидя у меня за лакомым столом,
В восторге пламенном, как истый витязь русский,
Съел соус, съел другой, а там сальмис французский,
А там шампанского хлебнул с бутылку он,
А там... подвинул стул и сел играть в бостон.

<1810>

138. СРАВНЕНИЕ

«Какое сходство Клит с Суворовым имел?»
— «Нималого!» — «Большое».
— «Помилуй! Клит был трус, от выстрела робел
И пекся об одном желудке и покое;
Великий вождь вставал с зарей для ратных дел,
А Клит спал часто по недели».
— «Всё так! да умер он, как вождь сей... на постеле».

<1810>

139. ИЗ АНТОЛОГИИ

Сот меда с молоком —
И Маин сын тебе навеки благосклонен!
Алкид не так-то скромен:
Дай две ему овцы, дай козу и с козлом;
Тогда он на овец прольет благословенье
И в снедь не даст волкам.
Храню к богам почтенье,
А стада не отдам
На жертвоприношенье.
По совести! Одна мне честь, —
Что волк его сожрал, что бог изволил съесть.

<1810>

140. К МАШЕ

О, радуйся, мой друг, прелестная Мария!
Ты прелестней полна, любви и ума,
С тобою грации, ты грация сама.
Пусть парки век прядут тебе часы златые!
Амур тебя благословил,
А я — как ангел говорил.

<1810>

141. НА ПЕРЕВОД «ГЕНРИАДЫ», ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЛЬТЕРА

«Что это! — говорил Плутон, —
Остановился Флегетон,
Мегера, фурии и Цербер онемели,
Внимая пенью твоему,
Певец бессмертный Габриели?
Умолкни!.. Но сему
Безбожнику в награду
Поищем страшных мук, ужасных даже аду,
Соделаем его
Гнуснее самого
Сизифа злова!»
Сказал и превратил — о ужас! — в Осякова.

Начало 1810

142. <П. А. ВЯЗЕМСКОМУ>

Льстец моей ленивой музы!
Ах, какие снова узы
На меня ты наложил?
Ты мою сонливу «Лету»
В Иордан преобразил
И, смеясь, мне, поэту,
Так кадилом накадил,
Что я в сладком упоеньи,
Позабыв стихотвореньи,
Задремал и видел сон:
Будто светлый Аполлон
И меня, шалун мой милый,
На берег реки унылой
Со стихами потащил
И в забвеньи потопил!

Конец декабря 1809 или начало 1810

143. СОВЕТ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой, но только Петр Великий —
Ее не называй.

1810(?)

144. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ Н. Н.

И телом и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна и столько же пригожа.

<1811>

145. <НА ЧЛЕНОВ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ>

Гремит повсюду страшный гром,
Горами к небу вздуто море,
Стихии яростные в споре,
И тухнет дальний солнцев дом,
И звезды падают рядами.
Они покойны за столами,
Они покойны. Есть перо,
Бумага есть и — всё добро!
Не видят и не слышат
И всё пером гусиным пишут!

9 августа 1812

146. * * *

Всегдашний гость, мучитель мой,
О Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней или — дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной —
Я не один и нас не двое.

Между 1809 и 1812 (?)

147. НА ПОЭМЫ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Не странен ли судеб устав!
Певцы Петра — несчастья жертвы:
Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы!

1812(?)

148. <ОБ А. И. ТУРГЕНЕВЕ>

Ему ли помнить нас
На шумной сцене света?
Он помнит лишь обеда час
И час великий комитета!

25 апреля 1814

149. НОВЫЙ РОД СМЕРТИ

За чашей пуншевой в политику с друзьями
Пустился Бавий наш, присяжный стихотвор.
Одомаратели все сделались судьями,
И каждый прокричал свой умный приговор,
Как ныне водится, Наполеону:
«Сорвем с него корону!»
— «Повесим!» — «Нет, сожжем!»
— «Нет, это жестоко... в Каэну отвезем
И медленным отравим ядом».
— «Очнется!» — «Как же быть?» — «Пускай истаёт голодом!»
— «От жажды!..» — «Нет! — вскричал насмешливый Филон. —
Нет! с большей лютостью дни изверга скончайте!
На Эльбе виршами до смерти зачитайте,
Ручаюсь: с двух стихов у вас зачахнет он!»

Между маем и октябрем 1814

150. * * *

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и назло рассудку;
Веселостью обязан он желудку,
А памяти — умом.

<1815>

151. * * *

От стужи весь дрожу,
Хоть у камина я сижу.
Под шубою лежу
И на огонь гляжу,
Но всё как лист дрожу,
Подобен весь ежу,
Теплом я дорожу,
А в холоде брожу
И чуть стихами ржу.

Декабрь 1816 или январь 1817

152. НА КНИГУ ПОД НАЗВАНИЕМ «СМЕСЬ»

По чести, это смесь:
Тут проза и стихи, и авторская спесь.

<1817>

153. ЗАПРОС АРЗАМАСУ

Три Пушкина в Москве, И все они — поэты.
Я полагаю, все одни имеют леты.
Талантом, может быть, они и не равны,
Один живет с женой, другой и без жены,
А третий об жене и весточки не слышит
(Последний — промеж нас я молвлю — страшный плут,
И прямо в ад ему дорога!), —
Но дело не о том: скажите, ради Бога,
Которого из них *Бобринцевым* зовут?

4 марта 1817

154. <НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ П. А. ВЯЗЕМСКОГО>

Кто это, так насупя брови,
Сидит растрепанный и мрачный, как Федул?
О чудо! Это он!.. Но кто же? Наш Катулл,
Наш Вяземский, певец веселья и любви!

9 марта 1817

155. * * *

Меня преследует судьба,
Как будто я талант имею!
Она, известно вам, слепа;
Но я в глаза ей молвить смею:
«Оставь меня, я не поэт,
Я не ученый, не профессор;
Меня в календаре в числе счастливцев нет,
Я... отставной асессор!»

Первая половина марта 1817

156. * * *

На свет и на стихи
Он злобой адской дышит;
Но в свете копит он грехи
И вечно рифмы пишет...

Первая половина марта 1817

157. * * *

Числа, по совести, не знаю,
Здесь время сковано стоит,
И скука только говорит:
«Пора напиться чаю,
Пора вам кушать, спать пора,
Пора в санях кататься...»
«Пора вам с рифмами расстаться!» —
Рассудок мне твердит сегодня и вчера.

Первая половина марта 1817

158. ПОСЛАНИЕ

от практического мудреца мудрецу Астафьическому
с мудрецом Пушкиническим

Счастлив, кто в сердце носит рай,
Не изменяемый страстями!
Тому всегда блистает май
И не скудеет жизнь цветами!
Ты помнишь, как в плаще издранном Эпиктет
Не знал, что барометр пророчит непогоду,
Что изменяется кругом моральный свет
И Рим готов пожрать вселенная свободу.
От зноя не потел, на дождике был сух!
Я буду твердостью превыше Эпиктета.
В шинель терпенья облекусь
И к вам нечаянно явлюсь
С лучами первыми рассвета.
Да! Да! Увидишь ты меня перед крыльцом
С стоическим лицом.
Не станет дело за умом!
Я ум возьму в Сенеке,
Дар красноречия мне ссудит Соковнин,
Любезность светскую Ильин,
А философию я заказал... в аптеке!

Начало июля 1817

159. <П. А. ВЯЗЕМСКОМУ>

Я вижу тень Боброва:
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой;
Сугубым вздором дышит
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи,
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов;
Им дышит граф Хвостов,
Шихматов оным дышит,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучи слов.

1817(?)

162. ИЗ ПИСЬМА К Н. И. ГНЕДИЧУ
от 1 ноября 1809 г.

Что Катенин нанизывает на концы строк? Я в его лета низал не рифмы, а что-то покрасивее, а ныне... пятьдесят мне било... а ныне, а ныне...

А ныне мне Эрот сказал:
«Бедняга, много ты писал
Без устали пером гусиным.
Смотри, завяло как оно!
Недолго притупить одно!
Вот, на, пиши теперь куриным».

Пишу, да не пишется, а всё гнётся.

Красавиц я певал довольно
И так, и сяк, на всякий лад,
Да ныне что-то невпопад.
Хочу запеть — ан петь уж больно.
«Что ты, голубчик, так охрип?»
К гортани мой язык прилип.

Вот мой ответ! Можно ли так состариться в 22 года? Непозволительно!

163. ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
от 19 декабря 1811 г.

Прости и будь счастлив, здоров, весел... как В. Пушкин, когда он напишет хороший стих, а это с ним случается почти всегда. Ещё желаю,

Чтобы любовь и Гименей
Вам дали целый рой детей
Прелестных, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих
И на отца — чуть-чуть умом,
А с рожи — Бог избавь! .. Ты сам согласен в том!

164. ИЗ ПИСЬМА К Д. П. СЕВЕРИНУ
от 19 июня 1814 г.

Он * отвечал мне на грубом английском языке, который в устах мореходцев ещё грубее становится, и божественные стихи любовника Элеоноры без ответа исчезли в воздухе:

* Капитан, которому Батюшков на корабле прочитал по-итальянски отрывок из XXIV-й строфы XV-й песни «Освобождённого Иерусалима» Тассо. — Ред.

Быть может, их Фетида
Услышала на дне,
И, лотосом венчанна,
Станицы nereид
В серебряных пещерах
Склонили жадный слух
И сладостно вздохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою;
Их перси взволновались
Под тонкой пеленой...
И море заструилось,
И волны поднялись!..

... Итак, мой милый друг, я снова на берегах Швеции,

В земле туманов и дождей,
Где древле скандинавы
Любили честь, простые нравы,
Вино, войну и звук мечей.
От сих пещер и скал высоких,
Смеясь волнам морей глубоких,
Они на бранных челноках
Несли врагам и казнь и страх.
Здесь жертвы страшные свершались Одну,
Здесь кровью пленников багрились алтари...
Но в нравах я нашел большую перемену:
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зевают.

Эта земля не пленительна. Сладости Капуи иль Парижа здесь не известны. В ней нет ничего приятного, кроме живописных гор и воспоминаний.

165. ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
от февраля 1816 г.

Когда читал подвиги скандинавов,

То думал видеть в нем героя
В великолепном шишаке,
С булатной саблею в руке
И в латах древнего покроя.
Я думал: в пламенных очах
Сиять должно души спокойство,
В высокой поступи — геройство
И убежденье на устах.

Но, закрыв книгу, я увидел совершенно противоположное. Прекрасный идеал исчез,

и предо мной
Явился вдруг... чухна простой:
До плеч висящий волос
И грубый голос,
И весь герой — чухна чухной.

Этого мало преображения. Герой начал действовать: ходить, и есть, и пить. Кушал необыкновенно поэтическим образом:

Он начал драть ногтями
Кусок баранины сырой,
Глотал ее, как зверь лесной,
И утирался волосами.

Я не говорил ни слова. У всякого свой обычай. Гомеровы герои и наши калмыки то же делали на биваках. Но вот что меня вывело из терпения: перед чухонцем стоял череп убитого врага, окованный серебром, и бадья с вином. Представь себе, что он сделал!

Он череп ухватил кровавыми перстами,
Налил в него вина
И всё хлестнул до дна...
Не шевельнув устами.

Я проснулся и дал себе честное слово никогда не воспевать таких уродов и тебе не советую.

166. ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ от первой половины марта 1817 г.

Письмо начинается благодарностью за дрежество твоё; оно у меня всё в сердце —

И как, скажите, не любить
Того, кто нас любить умеет,
Для дружества лишь хочет жить
И языком богов до старости владеет!

167. ИЗ ПИСЬМА К А. Н. ОЛЕНИНУ от 4 июня 1817 г.

...Наконец у нас президент Академии художеств, президент,

который без педантства,
Без пузы барской и без чванства
Забот неся житейских груз
И должностей разнообразных бремя,
Еще находит время

В снегах отечества лелеять знобких муз;
Лишь для добра живет и дышит,
И к сим прибавьте чудесам,
Как Менге — рисует сам,
Как Винкельман красноречивый — пишет.

168. ИЗ ПИСЬМА К А. Г. ГРЕВЕНС
от 8 июля 1826 г.

Подражание Горацию

Я памятник воздвиг огромный и чудесный,
Прославя вас в стихах: не знает смерти он!
Как образ милый ваш и добрый и прелестный
(И в том порукою наш друг Наполеон)
Не знаю смерти я. И все мои творенья,
От тлена убежав, в печати будут жить:
Не Аполлон, но я кую сей цепи звенья,
В которую могу вселенну заключить.
Так первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетели Елизы говорить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям громами возгласить.
Царицы царствуйте, и ты, императрица!
Не царствуйте цари: я сам на Пинде царь!
Венера мне сестра, и ты моя сестрица,
А кесарь мой — святой косарь.

169. Надпись к портрету графа Буксгевдена шведского и финского.
Та же надпись к образу Хвостова-Суворова

Премудро создан я, могу на Вас сослаться:
Могу чихнуть, могу зевнуть;
Я просыпаюсь, чтобы заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.

14-го мая 1853 года, Вологда

170. * * *

Всё Аристотель врёт! Табак есть божество:
Ему готовится повсюду торжество.

ВАРИАНТЫ

---

12. К Гнедичу («Только дружба обещает...»)
стихотворение завершается следующей строфой:

Нет, болтаючи с друзьями,
Славы я не соберу;
Чуть не весь ли и с стихами
Вопреки тебе умру.

21. Воспоминание
Заключительная часть стихотворения

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени домашних где богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел перед собою
Как утешителя, как ангела небес!
На ложе горести и слез
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосуд мне подала: «Пей здравье и любовь!»
Тогда, казалось, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью венчала
Долины, холмы и леса.
Я помню утро то, как слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я в первый раз узрел цветы и дерева...
Какое счастье с весной воспрянуть ясной!
(В глазах любви еще прелестнее весна).
Я, восхищен природой красной,
Сказал Эмилии: «Ты видишь, как она,
Расторгнув зимний мрак, с весною оживает,
С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;
Что б было без весны?.. Подобно так и я
На утре дней моих увял бы без тебя!»
Тут, грудь ее кропя горячими слезами,
Соединив уста с устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна.

Увы, исчезло всё, как прелесть сладка сна!
Куда девались восторги, лобызанья
И вы, таинственны во тьме ночной свиданья,
Где, заключа ея в объятиях моих,
Я не завидовал судьбе богов самих!..
Теперь я, с нею разлученный,
Считаю скукой дни, цепь горестей влачу;
Воспоминания, лишь вами окрыленный,
К ней мыслию лечу,
И в час полуночи туманной,
Мечтой очарованный,
Я слышу в ветерке, принесшем на крылах
Цветов благоуханье,
Эмилии дыханье;
Я вижу в облаках
Ее, текущую воздушною стезею...
Раскинуты власы красавицы волною
В небесной синеве,
Венок из белых роз блистает на главе,
И перси дышат под покровом...
«Души моей супруг! —
Мне шепчет горний дух. —
Там в тереме готовом
За светлую Двиной
Увижуся с тобой! ..
Теперь прости..» И я, обманутый мечтой,
В восторге сладостном к ней руки простираю,
Касаюсь риз ее... и тень лишь обнимаю!

23. Видение на берегах Леты
стихи 63-65 имеют зачёркнутый вариант

Подземны воды справедливы —
Дурное мигом поглотят,
А для прямых Парнаса чад
Созреют вечности оливы.

34. Счастливец
после ст. 40

Сердцем спит и нем душою,
Тратит жизнь на суеты,
Днём не ведает покою,
Ночью — страшныя мечты!

47. Сон воинов

стихотворение имело такое продолжение:

Все спят у тлеющих костров,
Все спят; один Эрик несчастный
Поет, и в мраке гул ужасный
От скал горам передает:

«Сижу на бреге шумных вод,
Всё спит кругом; лишь воют рощи,
И Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!

Сижу на бреге ярых вод.
Страшися, враг, беги стрелою!
Ни меч, ни щит уж не спасет
Тебя с восставшею зарею...
Мой меч скользит по влаге вод!

Сижу на бреге ярых вод.
Мне ревность сердце раздирает:
Супруга, бойся! День придет,
И меч отмщенья заблестит! ..
Но он скользит по влаге вод.

Сижу на бреге шумных вод.
Всё спит кругом; лишь воют рощи,
Лишь Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!

55. Мои пенаты

стихи 131-141:

О Лила, друг мой милый,
Душа души моей!
Тобою век унылый,
Средь шума и людей,
Среди уединенья,
Средь дебрей и лесов,
Средь скучного томленья
Печали и трудов,
Тобой, богиня, ясен!
И этот уголок
Не будет одинок!

стихи 164-170:

Спускайтесь ко мне!
Пусть тени и призраки
Любимых мне певцов,
Разрушив тлен и мраки
Эреба и гробов,
Как жители эфирны,
Воздушною стезей

вариант ст. 189-196:

Пером из крыльев Леля
Здесь пишет Карамзин,
Преемник Мармонтеля,
В таблицах мнемозин
Любовны приключенья
Девиц и светских дам
И сладки откровенья
Чувствительным сердцам.

в автографе послания
после ст. 200 есть следующие зачеркнутые строки:

Всегда внушенный чувством,
Умел он позлатить
Оратора искусством
Повествованья нить
И в слоге плавном слить
Всю силу Робертсона
И сладость Ксенофона;
Аттической пчелы, Волшебной...

56. К Жуковскому

вместо ст. 19-51 в письме к Жуковскому:

Под сению свободы,
Достойные природы
И юныя весны!
Тебе — одна лишь радость,
Мне — горести даны!
Как сон проходит младость
И счастье прежних дней!
Всё сердцу изменило:
Здоровье легкокрыло
И друг души моей.

59. Певец в Беседе любителей русского слова
(стихи 129—132):

Наскучил людям и чертям,
И день и ночь он пишет,
А похвалы своим трудам
Ни от кого не слышит.

В «Пародию входит также строфа,
не включенная в известные нам списки стихотворения:

Хвала отважным рифмачам!
Шихматов в юны лета,
Коль верить Балдуса речам, —
Осьмое чудо света.
Потемкин, слава наших дней,
И Бунина девица!
В Беседе говорят о ней:
«Стихи плесь мастераца».
Театра нашего хвала,
Грузинцев, Висковатов!
Их Мельпомена родила
На гибель сопостатов.

70. Странствователь и домосед
вместо стихов 124-125:

И снова мудрости искать
Меж греков просвещенных!
Сказал и сделал так
Наш ветреный чудак.

вместо стихов 300-313:

Так точно весь народ толпился и шумел
Пред кафедрой бродяги,
Который в первый раз блеснуть умом хотел,
Но заикнулся, покраснел
И побледнел,
Как белый лист бумаги.
В собраньи завсегда народ нетерпелив.

72. Мщение
между стихами 34 и 35:

В объятиях любви, на ложе сладострастья
Покрытая дождём холодного ненастья

между стихами 36 и 37:

О, нега томная! Источник сладких слез!
При блесках молнии разгневанных небес

115. «Есть наслаждение и в дикости лесов...»
продолжение

Шуми же ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран,
Но море чем себе присвоит?

154. Запрос Арзамасу

Здесь Пушкин наш лежит; на нём лежат два слова:
Он пел Буянова и не любил Шишкова.